

Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке*

Андрей Коротаев

Доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный научный сотрудник, Институт Африки РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Леонид Гринин

Доктор философских наук, главный научный сотрудник, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: leonid.grinin@gmail.com

Илья Медведев

Младший научный сотрудник, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: semyonkot@yandex.ru

Максим Слав

Младший научный сотрудник, Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: maximslav@yandex.ru

Проведенное исследование показывает наличие общей перевернутой U-образной зависимости между типами режима (ранжированными по степени их авторитарности–демократичности) и уровнем рисков революционной дестабилизации: анократиям (частичным автократиям и частичным демократиям) свойственен заметно более высокий уровень рисков революционной дестабилизации, чем полным автократиям или полностью (консолидированным) демократиям. Отметим также, что и внутри полных автократий прослеживается достаточно выраженная положительная корреляция между ослаблением автократических начал и ростом рисков революционной дестабилизации (даже небольшое ослабление автократических начал в рамках полностью авторитарного режима ведет к заметному росту рисков революционной дестабилизации). С другой стороны, в полученных нами результатах есть и вполне определенная асимметрия данной зависимости с явно выраженным левосторонним скосом (при ранжировании режимов от наиболее авторитарных к наиболее демократическим).

---

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Выражается он в том, что в полных автократиях риск революционной дестабилизации несравненно выше, чем в полных (консолидированных) демократиях, а в частичных автократиях он значительно выше, чем в частичных демократиях (при этом среди частичных демократий особым рискам революционной дестабилизации оказываются подверженными факциональные демократии). Проведенное исследование позволяет также внести свой вклад в ответ на вопрос, поставленный многими исследователями революций в конце прошлого века, — закончится ли эра революций с глобальным распространением демократии? Проведенный нами анализ заставляет предполагать, что если это и произойдет когда-то, то еще очень и очень нескоро. С одной стороны, проделанный нами анализ подтвердил, что в XXI веке консолидированная демократия пока что продемонстрировала себя как очень эффективный механизм предотвращения возникновения реальных попыток свержения власти революционным путем (т. е. революционных эпизодов, не говоря уже о революциях). Но с другой стороны, лишь менее трети всех современных демократий — консолидированные, в то время как абсолютное большинство демократий XXI века — частичные демократии (и при этом почти треть из этих частичных демократий является факциональными), а как показало наше исследование, в частичных демократиях революции очень даже возможны (и особенно они возможны в факциональных демократиях). К тому же сдвиги внутри автократий в сторону демократии только увеличивают риски революционной дестабилизации, поэтому в нашем веке «глобальное распространение демократии» сопровождалось не снижением, а скорее увеличением глобальной революционной активности, что в значительной степени и объясняет общую активизацию революционных процессов, наблюдавшуюся в этом веке. Кроме того, такие революционные события, как революционные движения без революций, и аналоги революций оказываются вполне возможными и в консолидированных демократиях. Ну и, наконец, революционная дестабилизация в полном смысле этого слова (а не только лишь ее аналоги) оказывается вполне возможной в когда-то консолидированных демократиях в случае их деконсолидации, что дает дополнительные основания не ожидать окончания эры революций в сколько-нибудь обозримом будущем.

Ключевые слова: революции, политические режимы, дестабилизация, XXI век, анократия, демократия, автократия, прогноз, количественный анализ

О революциях написано очень много. Анализ этой литературы был представлен, в частности, в работах: Голдстоун, 2006; Гринин, Коротаев, Исаев, 2016; Шульц, 2016; Розов, 2019; Розов и др., 2019; Stone, 2014; Beck, 2015, 2017; Ritter, 2015; Sanderson, 2016; Kamrava, 2019; Lawson, 2016, 2019. Для нас важно, что возможность возникновения революции в обществах ассоциируется нередко с достижением ими определенного уровня развития (Huntington, 1968¹), а также со своеобразной социально-политической структурой и режимом. Одна из главных задач настоящей статьи — углубить понимание корреляции между революциями и типом режимов. Но для этого необходимо понимание различий в типах революционных событий, поскольку, к сожалению, не создано полноценной типологии революций и революционных событий (предыдущий опыт такого рода типологизаций см. в:

---

1. См. также: Коротаев, Халтурина и др., 2010, 2011; Коротаев, Малков и др., 2012; Коротаев, Малков, 2014; Шульц, 2016; Гринин, 2017а, 2017б, 2017в, 2017г; Розов и др., 2019; Eisenstadt, 1978; Goldstone, 1991; Korotayev, Zinkina et al., 2011; Grinin, 2012с, 2013; Korotayev, 2014; Korotayev, Malkov, Grinin, 2014.

Голдстоун, 2006, 2015; Шульц, 2016; Andreski, 1988). Ниже мы даем некоторую типологию революционных событий и определения этих типов.

В последнее десятилетие наметился тренд, когда революции и другие революционные события объединяют под общими названиями кампаний (максималистских кампаний), движений и т. п. (см., например: Ackerman, Karatnysky, 2005; Stephan, Chenoweth, 2008; Johnstad, 2010; Stradiotto, Guo, 2010; Chenoweth, Stephan, 2011; Celestino, Gleditsch, 2013; Bayer, Bethke, and Lambach, 2016; Butcher, Svensson, 2016; Kim, Kroeger, 2019; Rasler et al., 2022). С одной стороны, в этом есть плюс. Дело в том, что исследования революций далеко не всегда рассматривают их в общем ряду других политических событий, связанных с насильственными и/или крупными переменами в политическом режиме, социально-политическом строе и т. д., которые хотя не всегда подпадают под определение революций, но оказываются родственными по многим чертам революциям. Это создает большие разногласия в определении революций и отнесении тех или иных событий к революциям. Мы (в частности, для того, чтобы иметь более тонкий инструментальный анализа) предлагали ввести и особый термин для такого рода социально-политических событий — *аналог революции* (см.: Гринин, Гринин, 2020; Grinin, Grinin, 2022). Но с другой стороны, такой подход, при котором все протестные события «стригутся под одну гребенку» (кампании, движения, демонстрации, массовые беспорядки, политические забастовки и т. п.), лишает революции и революционные события их важной специфики, при этом во многом теряется созданный десятилетиями инструментальный анализа наиболее важных дестабилизационных событий (см. об этом ниже). Это имеет самое прямое отношение к теме настоящей статьи. Дело в том, что есть важный момент, который уже давно находится в центре дискуссии: возможны ли революции в демократических государствах? В то же время никто не сомневается, что различные протестные кампании там не только возможны, но и рассматриваются как вполне обычные явления.

Мы придерживаемся следующего определения революции²:

Революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: 1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; 2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; 3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов. (Гринин, Коротаев, 2020: 856)

В этом определении революции мы как обязательный указываем момент массовости протестов, массовой мобилизации. Если нет массовой мобилизации, но есть все остальное и революционеры одерживают победу (путем военного переворота, победы на выборах и последующего радикального изменения режима путем зако-

---

2. Отметим, что наше определение революции очень близко определениям, предложенным Дж. Голдстоуном и Дж. Лоусоном (Голдстоун, 2006: 61; Lawson, 2019: 5), на которых мы еще остановимся ниже.

нодательных и иных методов и т. п.), то это *аналог революции* (массовая мобилизация наступает после свержения старой власти). Примерами аналогов революций являются нацистская трансформация Германии после 1933 года, то есть после прихода Гитлера к власти путем выборов; события 1952 года в Египте (военный переворот с последующей массовой мобилизацией) или Боливианская революция под руководством У. Чавеса в Венесуэле (см., например: Костин, 2020а). В отличие от революций, аналоги революций, как правило, включают в себя и смену правительства/президента/монарха, и захват власти конкретными силами, поскольку аналог революции реализуется как раз после прихода к власти определенных (революционно настроенных) сил мирным или насильственным путем (но без массовой мобилизации) (Гринин, Гринин, 2020).

Необходимо также проводить различие между *революциями* и *революционными движениями без революции*. Одно из отличий состоит в том, что обычно борьба за достижение целей революционного движения продолжается достаточно долго (таковы, например, движения за гражданские права или женские права); примеры можно найти, скажем, в недавней истории Бразилии и Польши (Костин, 2020б, 2020в).

Разница между *революцией* и *революционным движением без революции* может заключаться в том, 1) что революция направлена на изменение режима в течение достаточно ограниченного времени, а революционное движение/эпизод могут быть направлены на защиту режима (например, движение против узурпации власти, попыток нарушить конституцию, подтасовать голосование и т. п.); 2) движение направлено на удовлетворение требований, включая те или иные права, либо крупное их расширение, но без требования свержения правительства, а революция, как правило, направлена на свержение; 3) движение может быть направлено на сохранение статус-кво (например, отмену нового налога, закона и пр.), а революция — на изменения.

Ниже мы также дадим определение *революционного эпизода*.

В настоящей статье из всех типов революционных событий мы исследуем в количественном плане только революции и революционные эпизоды, показывая наличие достаточно сложной зависимости между типами режима (ранжированными по степени их авторитарности–демократичности) и уровнем рисков революционной дестабилизации, при которой риски возникновения революций и даже революционных эпизодов в полностью консолидированных демократиях в XXI веке оказываются практически неотличимыми от нуля. В то же время другие типы революционных событий (прежде всего революционные движения без революций и аналоги революций) оказываются вполне возможными и в консолидированных демократиях (так, ярким примером революционного движения без революции являются «Желтые жилеты» [2018–2019 гг.] во Франции; не исключаются и конституционные аналоги революции — например, «Революция при свежах» в Южной Корее [2016–2017 гг.]).

В конце XX — начале XXI века некоторыми исследователями предполагалось, что с глобальным распространением демократии эра революций закончит-

ся (Fukuyama, 1989, 1992; Castañeda, 1993; Halliday, 1999; Snyder, 1999; Nodia, 2000; Goodwin, 2001a, 2001b, 2003). Как утверждает С. Сандерсон, опирающийся в свою очередь на работы Дж. Гудвина (Goodwin, 2001b, 2003), «в будущем революции маловероятны, в первую очередь благодаря волне демократизации, прокатившейся по развивающемуся миру в последние два десятилетия. Почему демократизация должна снизить вероятность революции? Во-первых, она смягчает (даже если и не уничтожает) социальный конфликт и институционализирует этот конфликт, перенаправляя его по социально приемлемым каналам. Если народ недоволен своими правителями, он понимает, что может избавиться от них на следующих выборах. Демократический способ правления также дает возможность народу участвовать в массовых протестах, что, в свою очередь, позволяет добиться от экономических и политических элит уступок. Гудвин суммирует это, говоря: „урна для голосования — это гроб революционеров“» (Goodwin, 2003: 67). Действительно, данные подтверждают этот взгляд. Как указывает Гудвин, «ни одна революция никогда не свергла демократический режим» (Sanderson, 2016: 201).

В целом возможность революции в демократиях и ныне игнорируется некоторыми современными исследователями. Однако после публикаций Гудвина несколько демократически избранных правителей были все-таки революциями смещены. Самый заметный пример — Украинская революция 2013–2014 годов, свергнувшая демократически избранного президента Виктора Януковича еще задолго до конца его президентского срока. Революция 30 июня 2013 года в Египте, свергнувшая (при содействии египетских военных) демократически избранного Мухаммеда Мурси, и революция в Армении в 2018 году могут здесь также рассматриваться в качестве неплохих примеров (Исаев, Коротаев, 2015; Коротаев, Исаев, Васильев, 2015; Derluguian, Novhannisyann, 2022). Как можно объяснить это расхождение между теорией и наблюдениями?

Строго говоря, изначальное утверждение Гудвина было несколько иным: «Ни одно революционное движение... не свергло *консолидированный* демократический режим» (Goodwin, 2001: 276; курсив наш). Действительно, все демократически избранные правители, потерявшие власть в XXI веке (Мурси, Янукович, Саргсян и т. д.), были в неконсолидированных демократических режимах³. В то же время

---

3. Отметим для полноты картины, что тот же Дж. Гудвин (Goodwin, 2001a) полагал на пороге этого столетия, что поскольку демократия не благоприятствует революциям, в ближайшие десятилетия не только в консолидированных демократиях, но и в мире в целом вряд ли случится такой же размах революций, какой наблюдался в период холодной войны. Иными словами, широкие политические изменения, связанные с распространением демократии в 1990-е годы (так называемая третья волна демократизации по Хантингтону, 2003), ведут к ситуации, когда революции теряют свою популярность и влияние. Это делает их в будущем менее вероятными (см. также: Goodwin, 2001a, 2003). Э. Селбин (Selbin, 2001) был не согласен с Гудвином и теми (Snyder, 1999; Colburn, 1994), кто утверждал, что распространение демократии сделает возникновение революций в будущем менее вероятным. Селбин исходил из того, что во многих странах демократические отношения слабы, а несправедливость и неравенство остаются сильными. И в конце концов люди, сталкиваясь с тяжелыми социальными проблемами при отсутствии возможности бороться с несправедливостью законным и удовлетворительным для них путем, не станут бесконечно это терпеть. А значит, революции в будущем неизбежны

XXI век дает и примеры того, как консолидированная демократия может предотвратить революцию даже при присутствии всех условий для нее. Например, в Греции в начале 2010-х годов сочетались все три условия, которые, согласно наблюдениям Дж. Голдстоуна (Goldstone, 1986, 1988, 1991), приводят к государственному брейкдауну и революции: «фискальный кризис, отчуждение элиты и внутриэлитный конфликт, а также высокий потенциал для массовой мобилизации» (Goldstone, 2001: 11; см. также: Goldstone et al., 2022b). Однако в греческом консолидированном демократическом режиме революция была предотвращена благодаря тому, что ее лидеры получили возможность прийти к власти через выборы (Evrpidou, Drury, 2013; Ardagna, Caselli, 2014; Vogiatzoglou, 2017; Karyotis, Rüdig, 2018). Существовавший в Греции запрос на перемены был в высокой степени удовлетворен благодаря тому, что на выборах 2015 года коалиция СИРИЗА («Коалиция радикальных левых») победила с неожиданно высоким результатом. Таким образом, в Греции наблюдались революционная ситуация и революционное движение, не приведшие к революции; революция была предотвращена именно механизмами, заложенными в консолидированную демократию⁴.

Итак, с одной стороны, консолидированная демократия может рассматриваться в качестве эффективного механизма, блокирующего революционное свержение правительства; с другой — имеются основания предположить, что иные типы режимов, как демократические (частичная или факциональная демократии), так и авторитарные (частичная или полная автократии), будут оказывать существенно разное влияние на риски появления попыток свергнуть соответствующие режимы революционным путем.

В целом существование связи между типом политического режима и революцией кажется самоочевидным, так как революция — действие, нацеленное на смену режима, однако природа этой связи до конца не ясна. Некоторые ученые используют методологию единичных кейсов, чтобы исследовать те или иные грани революционных процессов (см., например: Albrecht, 2005; Albrecht, Wegner, 2006; Kadivar, Ketchley, 2018), или строят теоретическую рамку (Carroll, Pond, 2021; Gilli, Li, 2015). В обзоре литературы мы в первую очередь концентрируемся на количественных исследованиях о связи между типом режима и вероятностью революции. Рассмотрим вкратце связь типа режима и с иными проявлениями социально-политической дестабилизации.

Исследователи достаточно давно обнаружили наличие перевернутой U-образной зависимости между типом режима и политической нестабильностью. Насколько нам известно, впервые на особую уязвимость полу-демократий (*semi-*

(Selbin, 2001). Он сделал вывод, что в будущем революции будут даже более вероятны, чем в предшествующие эпохи. Таким образом, именно Селбин, хотя он несколько романтизирует революции, был более прав, чем Гудвин и другие, кто думал, что «мода» на революции прошла (см. также: Selbin, 2019, 2022).

4. О революционной ситуации, а также почему она не всегда приводит к революции см.: Гринин, 2020а, 2020б; Grinin, 2022. О революционном движении без революции см.: Goldstone et al., 2022а; Grinin, Grinin, 2022; Гринин, Гринин, 2020.

democracies) к внутренней дестабилизации указал Т. Гурр (Gurr, 1974). В дальнейшем его гипотеза получила эмпирическое подтверждение в большом числе исследований, основанных на количественном анализе кросс-национальных данных. Одни из наиболее ранних исследований данной зависимости были посвящены гражданским войнам (Muller, Weede, 1990; Francisco, 1995; Ellingsen, Gleditsch, 1997). Они проводились на данных с ограниченным числом наблюдений, охватывавших достаточно краткие исторические периоды; тем не менее их авторы подтвердили наличие эмпирической зависимости в указанном выше направлении: в гибридных режимах риски гражданской войны оказались существенно выше, чем в полных автократиях и консолидированных демократиях. Более всеобъемлющие работы (Ellingsen, 2000; Hegre et al., 2001) не только подтвердили этот результат, но и указали на связь между сменой режима в недавнем прошлом страны и политической нестабильностью. Х. Хегре и др. (Hegre et al., 2001) указывают, что молодые демократии и молодые автократии (т. е. государства с недавним опытом демократизации или автократизации) более уязвимы к гражданским войнам, чем государства, не менявшие тип режима в недалеком прошлом. Однако влияние типа режима на вероятность гражданской войны проявлялось даже при контроле на недавнюю смену режима (Fearon, Laitin, 2003). Наконец, укажем, что несколько работ обнаружили предрасположенность частичных демократий и анократий к гражданским войнам и в целом к политическому насилию (Urdal, 2006; Gleditsch, Hegre, Strand, 2009; Regan, Bell, 2009; Gleditsch, Hegre, 2014). К довольно схожим результатам пришла Специальная комиссия по несостоявшимся государствам (State Failure Task Force; см.: Esty et al., 1998; Goldstone et al., 2001): «Тип режима оказался связан с политической нестабильностью неожиданной U-образной зависимостью: демократии и автократии обладали значительной стабильностью, но частичные демократии подвергались чрезвычайно высокому риску» (Голдстоун, 2006: 91)⁵. Голдстоун с соавторами (Goldstone et al., 2010) позже продемонстрировали, что среди всех промежуточных режимов наиболее уязвимыми к гражданским войнам и госпереворотам, ведущим к замене более демократических на более авторитарные режимы, оказываются факциональные⁶ демократии.

---

5. Отметим, что к сходному выводу приходит У. Митчелл (Mitchell, 2022: 437) применительно к «цветным» революциям: «Цветные революции всегда ограничивались странами с полудемократическими, но относительно свободными режимами. Это одна из причин, почему попытки привести цветные революции в другие страны... где США пытались разжечь цветные революции, потерпели неудачу».

6. Напомним, что факциональная демократия — это демократия, в которой размежевание политических сил идет не по линиям типа «правые — левые» или «либералы — консерваторы», а по таким линиям, как «сунниты — шииты», «последователи клана Салехов — последователи клана Ахмаров», или «дончане — западнцы» (см., например: Коротаев, Васькин, Романов, 2019; Marshall, Gurr, 2020; Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021). Например, Партия регионов бывшего президента Украины Януковича была типичной факциональной: ее невозможно было назвать ни левой, ни правой, ни консервативной, ни либеральной. Реально это была партия восточнукраинских (и в особенности донбасских) элит, противостоявшая элитам западнукраинским (см., например: Исаев, Коротаев, 2015; Коротаев, Исаев, 2015; Коротаев, Исаев, Васильев, 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015).

Более поздние работы дали сходные результаты. Так, Е. Слинько и соавторы (Slinko et al., 2017; Коротаев и др., 2016, 2017: 156–184) указывали, что промежуточные режимы наиболее подвержены политической нестабильности (измеренной через агрегированный индекс социально-политической дестабилизации CNTS (Banks, Wilson, 2021). Примечательно, что для периода после холодной войны ими была выявлена выраженная асимметрия этой перевернутой U-образной зависимости, когда полные автократии оказались значительно более подверженными социально-политической дестабилизации, чем полные демократии, а частичные автократии — более подверженными этим рискам, чем частичные нефракционные демократии. Как и в исследовании Голдстоуна (Goldstone et al., 2010), самыми нестабильными оказались фракционные демократии. Отметим, что особая подверженность фракционных демократий политической нестабильности была показана и Т. Г. Масудом и его коллегами (Massoud et al., 2019).

Сходная перевернутая U-образная зависимость отмечена и применительно к рискам террористической дестабилизации: именно промежуточные режимы, определенные как через индекс демократии Polity5⁷ (Gaibullov et al., 2017), так и через классификацию Голдстоуна, оказались наиболее подверженными рискам террористической дестабилизации; при этом в последнем случае наиболее подверженными рискам такой дестабилизации снова оказались фракционные демократии (Васькин и др., 2018; Коротаев, Васькин и др., 2019; Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021; Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021). Перевернутая U-образная зависимость между типом режима и дестабилизацией была выявлена и применительно к мирным антиправительственным демонстрациям, но здесь обнаружилась асимметрия, прямо противоположная описанной выше — с одной стороны, интенсивность мирных антиправительственных демонстраций в анократиях (промежуточных режимах — частичных демократиях и автократиях) оказалась более высокой, чем и в полных автократиях, и в полных демократиях; но с другой стороны, если уровень интенсивности мирных протестов и в демократиях, и в анократиях очень сильно и статистически значимо превышает таковой в автократиях, то различие между демократиями и автократиями здесь оказалось совсем небольшим и статистически незначимым (Коротаев, Билюга, Шишкина, 2016; Коротаев, Гринин и др., 2017: 110–130; Korotayev, Bilyuga, Shishkina, 2018). Таким образом, применительно к мирным протестам асимметрия перевернутой U-образной зависимости прямо противоположна той, что обнаружена применительно к агрегированному индексу социально-политической дестабилизации CNTS (учитывающему не только мирные протесты, но и массовые беспорядки, политические убийства, партизанские войны, теракты и т. п.). Анократии демонстрируют максимальные значения как интенсивности мирных протестов, так и общего уровня социально-политической дестабилизации, но если в полных демократиях интенсивность мирных антиправительственных демонстраций значительно выше, чем в полных автократиях, то

7. Значения этого индекса варьируют между «–10» (полная автократия) и «+10» (полная демократия).

общий уровень социально-политической дестабилизации в полных автократиях значительно выше, чем в полных демократиях (Коротаяев, Билюга, Шишкина, 2016; Коротаяев, Слинько и др., 2016; Коротаяев, Гринин и др., 2017: 110–130, 156–184; Slinko et al., 2017; Korotayev, Bilyuga, Shishkina, 2018).

Несколько слов надо сказать о количественных глобальных кросс-национальных исследованиях революционной дестабилизации. Ни одного из таких исследований, где тип режима как фактор революционной дестабилизации был бы основным предметом изучения, нам не известно. В некоторых тип политического режима не использовался даже в качестве контрольной переменной (как, например, в работе Х. Албрехта и К. Кёлера (Albrecht, Koehler, 2020)⁸). В большинстве же таких исследований тип режима как контрольная переменная хотя и использовался, но результаты оказались далеко не однозначными.

В некоторых исследованиях использовалась дамми-переменная на анократию, причем во всех трех, найденных нами, она определялась через категорию «частично свободные» (*partly free*) по классификации Freedom House. Нам эта операционализация представляется не вполне удачной, так как она не учитывает неоднородность как анократий, так и автократий, что, впрочем, не позволяет нам полностью игнорировать результаты, полученные с их помощью. В двух исследованиях (Коротаяев, Исаев, Васильев, 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015) было показано, что анократия стимулирует революционную дестабилизацию по модели центрального коллапса, однако ограниченность выборки в любом случае не позволяла делать сколько-нибудь далеко идущие выводы: оба исследования касались революционной мини-волны 2013–2014 годов. Р. Чинкотта и Х. Вебер (Cincotta, Weber, 2021) изучили вероятность вооруженных революционных выступлений и не обнаружили статистической значимости промежуточных режимов (*partly free*) по классификации Freedom House как предиктора риска подобных выступлений. Отметим, что в другом количественном глобальном кросс-национальном исследовании факторов начала вооруженных революционных выступлений тип режима (измеренный через один из индексов демократии Polity) не показал статистически значимой связи с риском вооруженного революционного выступления⁹ (Besançon 2005), а в еще одном — в противоположность ожиданиям автора корреляция между уровнем демократии и такого рода риском оказалась положительной (Fox, 2004).

В некоторых работах для контроля влияния типа политического режима использовался 21-балльный индекс демократии¹⁰ Polity с квадратичным эффектом (Keller, 2012; Butcher, Svensson, 2016). Работа Ф. Келлер (Keller, 2012) является едва ли не единственным количественным глобальным кросс-национальным исследованием факторов начала революций в целом (а не отдельных разновидностей

---

8. Во многом это объясняется тем, что данная работа посвящена анализу революционных выступлений в авторитарных режимах.

9. Этого, впрочем, и следовало бы ждать, исходя из предположения о перевернутой U-образной зависимости.

10. Официальное название индекса — Revised Combined Polity Score (Marshall, Gurr, 2020: 16–17).

революций, как это наблюдается у остальных). В этом плане это наш самый близкий предшественник, а потому заслуживает особого внимания. Келлер вполне определенно приходит к выводу о перевернутой U-образной зависимости между типом режима и вероятностью революции: «Революционные события случаются чаще... в режимах, которые не являются ни наиболее авторитарными, ни наиболее демократическими» (Keller, 2012: 1, 18); «исследователи часто отмечали наличие перевернутой U-образной зависимости между демократией и стабильностью, когда наиболее стабильными оказываются государства с наиболее авторитарными или наиболее демократическими режимами (Urdal, 2006: 613), в то время как проведенное исследование показывает, что это верно и для революций: более высокий балл Polity увеличивает шанс такого события, но этот эффект в какой-то момент пересиливается негативным эффектом балла Polity, возведенного в квадрат» (Keller, 2012: 18), что и дает вышеупомянутую перевернутую U-образную зависимость.

Используя аналогичную методологию, Ч. Батчер и И. Свенссон показали, что к невооруженным революционным выступлениям наиболее предрасположены именно анократии, потому что в них недостаточно репрессивных возможностей, с одной стороны, и слишком много возможностей и свобод для гражданской самоорганизации, с другой (Butcher, Svensson, 2016)¹¹.

---

11. Вслед за П. Акерманом и К. Крюглером (Ackerman, Kruegler, 1994) Ченовет и Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в преследовании политической цели». Более того, в вышеупомянутых исследованиях рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские (фундаментальное изменение политического порядка)... по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» (Chenoweth, Stephan, 2011: 68). В свою очередь, мы опираемся на такие определения, как «революция – это коллективная мобилизация, которая пытается быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» (Lawson, 2019: 5); «Революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: 1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; 2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; 3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Гринин, Коротчаев, 2020: 856), или «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Голдстоун, 2006: 61). Итак, «максималистские кампании» — это не что иное, как революции (в том числе национально-освободительные); следовательно, вышеупомянутые работы действительно изучают революции (довольно причудливо обозначенные как «кампании»). В пользу этого говорит и тот факт, что в базе данных Ченовет NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (Chenoweth, Shay, 2020a) «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 года — включая российские 1905–1907 и 1917 годов, Конституционную революцию в Иране, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910–1917 годов и т. д. (Chenoweth, Shay, 2020a, 2020b). Таким образом, результаты исследований факторов начала «максималистских кампаний» оказываются вполне релевантны и для нашего анализа одного из факторов революционной дестабилизации.

Кроме того, М. Кадивар и Н. Кечли вполне убедительно показали, что участники большинства «ненасильственных максималистских кампаний» прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 года или Украинскую революцию [«Евромайдан»] 2013–2014 гг., которые Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании»), в связи с чем они с полными на то основаниями

Упомянем, наконец, что исследование Э. Ченовет и Дж. Ульфелдера (Chenoweth, Ulfelder, 2017) показывает достаточно противоречивую связь между политическим режимом и вероятностью невооруженных революционных выступлений (которые сами авторы предпочитают называть «ненасильственными максималистскими кампаниями»). При этом использованная в данном исследовании методика не позволяет понять, какое именно влияние оказывают гражданские свободы на вероятность революции, хотя видно, что это достаточно значимый предиктор. Ченовет и Ульфелдер также пытаются использовать операционализацию Голдстоуна (Goldstone et al., 2010) для бинарной переменной демократии. Однако мы находим предлагаемую ими операционализацию крайне неудачной: нам представляется, что они не учитывают разницу между частичными, факциональными и полными демократиями по Голдстоуну, рассматривая их как одинаково влияющие на вероятность нестабильности. Поэтому нам кажется неудивительным, что у Ченовет и Ульфелдера демократия — статистически незначимый предиктор революции (здесь сказался недоучет данными авторами нелинейного характера связи между интересующими нас переменными).

Итак, эмпирические исследования связи революционной дестабилизации и типа режима достаточно скудны. Каковы же наши теоретические ожидания характера этой связи? С одной стороны, здесь вполне релевантными оказываются работы, объясняющие связь между типом режима и рисками возникновения гражданских войн и политического насилия. Теоретические объяснения причин особой уязвимости промежуточных режимов можно разбить на две категории. Во-первых, существуют теории, объясняющие появление политического насилия как такового, а именно теория относительной депривации, сосредоточенная в основном на социально-психологических и экономических факторах. Во-вторых, теории рациональных агентов или возможностей, базирующиеся на анализе политических драйверов. Согласно первого вида теориям, основанным на работах Дж. Дэвиса (Davies, 1962, 1969) и Т. Р. Гурра (Gurr, 1970), восстание или гражданская война могут быть спровоцированы неудовлетворенными ожиданиями, стремительно выросшими в результате модернизационных процессов. Эта ситуация наиболее часто наблюдается как раз в странах с промежуточными режимами, активно проходящих модернизацию. Согласно второй теории, нестабильность промежуточных режимов основана на слабости центрального правительства, которая позволяет восставшим оценить свои выгоды от участия в восстании как более существенные, чем выгоды от бездействия или политической борьбы в рамках закона (Muller, Weede, 1990). Некоторые исследователи (Gates et al., 2006; Regan, Norton, 2005) объединяют обе теории, объясняя проблему промежуточных режимов как проблему стран, слишком слабых для полного подавления всех возможностей восстать, с одной стороны, и недостаточно демократически развитых для предотвращения социального взрыва демократическими методами, с другой.

полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные» (Kadivar, Ketchley, 2018).

Можно также выделить и иной важный фактор. Согласно теории мобилизации ресурсов Чарльза Тилли (Tilly, 1978; Тилли, 2019), одну из трех непосредственных условий революции можно определить следующим образом: «неспособность... правительственных агентов подавить альтернативную коалицию» (Tilly, 1978; Тилли, 2019: 278; см. также: Sanderson, 2016: 71). Однако в анократиях эта возможность подавления существенно снижена по сравнению с полными автократиями. Было также показано, что в странах, отошедших от полного автократического режима в сторону частичной автократии, большое количество социальных групп пытается извлечь выгоду и получить те или иные права через массовые протесты (Treisman, 2020).

Представители четвертого поколения теорий революции показали исключительно важную роль в генезисе революционных эпизодов внутриэлитных конфликтов — наличие таких конфликтов значительно увеличивает риски революционной дестабилизации (Голдстоун, 2015: 31–32; Bearman, 1993; Haggard, Kaufman, 1995; DeFronzo, 1996; Hough, 1997; Lachmann, 1997; Dogan, Higley, 1998; Snyder, 1998; Parsa, 2000; Goldstone, 1991, 2001, 2009, 2011, 2016¹²). При этом развитие таких конфликтов в достаточно открытом виде значительно более реально в частичных автократиях и частичных демократиях, чем в полных автократиях; уже это обстоятельство должно делать риски революционной дестабилизации в анократиях (частичных демократиях/автократиях) более высокими, чем в полных автократиях¹³.

С другой стороны, вышеописанный «механизм Гудвина–Сандерсона» действует и в неполных демократиях, в результате чего по мере их приближения к полным консолидированным демократиям риски революционной дестабилизации в них должны снижаться, а значит, в промежуточных демократиях, наиболее близких к полным консолидированным демократиям (а современные индексы демократического развития вполне дают возможность это померить), следует ждать заметно более низких рисков революционной дестабилизации, чем в неполных автократиях.

Таким образом, имеются основания ждать не просто перевернутой U-образной зависимости, но (при ранжировании режимов слева, от максимально выраженной автократии, направо, к максимально консолидированной демократии) определенной асимметрии с левосторонним скосом, когда риск революционной деста-

---

12. Нельзя не вспомнить, что и В. И. Ленин включал в свое определение революционной ситуации «тот или иной „кризис верхов“» (Ленин, 1969 [1915]: 218).

13. Примечательно, что в последние годы в США, которые в результате процессов деконсолидации (Гринин, 2020а, 2020б; Жданов, 2020; Foa, Mounk, 2016; Howe, 2017; Levitsky, Ziblatt, 2018; Corbett, 2019; Inglehart, Norris, 2019) превратились из консолидированной демократии в демократию факционную (Marshall, Gurr, Jagers, 2021), также резко усилился внутриэлитный конфликт. Это приводит к нарастанию напряженности, напоминающей предреволюционную, по крайней мере, такая ситуация была в 2020 — начале 2021 года (см. в частности: Гринин, 2020а, 2020б). И неудивительно, что мы наблюдали в 2020 году революционное движение без революции BLM (кстати, с достаточной долей насильственных действий) и революционный эпизод, связанный со штурмом Капитолия в январе 2021 г.

биллизации в полных автократиях оказывается значительно более высоким, чем в консолидированных демократиях, а в частичных автократиях — заметно более высоким, чем в нефракциональных частичных демократиях.

Для проверки данной гипотезы воспользуемся подготовленной нами базой данных революционных событий XXI века (см. Приложение 1 в конце данной статьи). При этом XXI век мы условно начинаем с 2000 года, ознаменовавшего Бульдозерной революцией в Югославии, положившей начало волне «цветных» революций (см., например: Beissinger, 2007) и сыгравшей важнейшую роль в революционной динамике XXI века (подробнее об этой базе данных см.: Гринин, Коротчаев, 2020).

В качестве зависимой переменной мы используем начало в соответствующей стране в соответствующем году революции или революционного эпизода (полный список зафиксированных в нашей базе данных революций [как победоносных, так и неудачных] и революционных эпизодов см. в Приложении 1¹⁴). В качестве основного метода количественного анализа используется бинарная логистическая регрессия.

Здесь представляется необходимым пояснить, как мы определяем революцию. Выше мы уже приводили наше определение революции, но упомянем и другие, на которые также опираемся.

1) «[Революция — это] попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Голдстоун, 2006: 61).

2) «Революция — это коллективная мобилизация, которая пытается быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» (Lawson, 2019: 5)¹⁵.

Отметим также, что под приведенные определения подпадают как победоносные революционные события, так и революционные события, закончившиеся неудачей.

Таким образом, мы можем определить революции через следующие компоненты:

1) антиправительственная (наиболее часто нелегальная) массовая акция (коллективная мобилизация),

2) целью которой является свержение или смена в течение определенного периода существующего правительства

3) путем взятия власти или предоставления другим силам возможности взять власть,

---

14. Заранее подчеркнем, что в наших подсчетах мы учитываем только революции (как победоносные, так и закончившиеся неудачей), революционные эпизоды и революционные партизанские войны, но не учитываем революционные движения без революций и аналоги революций.

15. Сходное определение дает и М. Бейсинджер (Beissinger, 2022).

4) сопровождающаяся серьезными изменениями режима, социальных и политических институтов.

Если революционное событие описывается указанными компонентами, но не завершается удачей — даже в этом случае его следует рассматривать в качестве революционного эпизода. Если в то же время революционный эпизод представляет собой крупномасштабный, длительный, тяжелый для общества и (нередко) кровавый процесс, заканчивающийся поражением революционеров, его следует квалифицировать как неудавшуюся революцию. Если существующая массовая мобилизация не сопровождается попытками свержения правительства и захвата власти (т. е. при отсутствии оснований полагать, что таковые существовали), это событие квалифицируется как квазиреволюционный эпизод.

Ниже мы будем оценивать риск революционной дестабилизации в разных режимах, с учетом имеющихся в нашем распоряжении данных о революциях (как удавшихся, так и неудавшихся), революционных эпизодах и революционных партизанских войнах (которые можно рассматривать как специфическую разновидность революций и революционных эпизодов). Квазиреволюционные эпизоды, аналоги революций и революционные движения без революций в качестве революционной дестабилизации в собственном смысле этого слова рассматриваться не могут и поэтому в нижеприведенных расчетах не учитывались. Полный список учитываемых нами революций и революционных эпизодов дается нами в Приложении 1.

Эмпирический анализ

Наш анализ начнем с распределения зафиксированных в XXI веке революций и революционных эпизодов по типам режимов в соответствии с типологией Голдстоуна (Goldstone et al., 2010: 196). При данном подходе выделяются пять типов политических режимов на основе двух показателей базы данных Polity — EXREC (Executive Recruitment: «Способ прихода к власти главы государства») и PARCOMP (Competitiveness of Political Participation: «Соревновательность политического участия»)¹⁶ с использованием схемы, представленной в следующей таблице (см. табл. 1).

В целом распределение зафиксированных в XXI веке революций и революционных эпизодов по данным типам режимов выглядит следующим образом (см. рис. 1).

Как мы видим, одно из сформулированных выше теоретических ожиданий подтверждается сразу же — ни одной революции/революционного эпизода в консолидированных демократиях XXI века зафиксировано не было¹⁷. На первый

16. Подробное описание кодировки EXREC и PARCOMP см. в документации к базе данных Polity (Marshall, Gurr, 2020; Marshall et al., 2021).

17. С одной стороны, в качестве революционного эпизода вполне можно рассматривать штурм Капитолия 6 января 2021 года, но по классификации Polity (Marshall et al., 2021) США на этот момент

Таблица 1. Схема определения типа режима по Дж. Голдстоуну и соавторов (Goldstone et al., 2010: 196)

Способ прихода к власти главы государства (EXREC: Executive Recruitment)	Соревновательность политического участия (PARCOMP: Competitiveness of Political Participation)					
	Полностью подавляется (Repressed) (1)	Подавляется/ограничивается (Suppressed) (2)	Не регулируется (Unregulated) (0)	Факциональная (Factional) (3)	Промежуточная (Transitional) (4)	Полностью соревновательная (Competitive) (5)
1) Аскрипция (по праву рождения, Ascription)						
2) Сочетание аскрипции и назначения (Ascription + Designation)						
3) Назначение (через неформальное соревнование среди элиты, Designation: Informal competition within an elite)						
4) Самоназначение (через захват власти, Self-selection by seizure of power)						
5) Переходный от самоназначения (Gradual Transition from Self-Selection)						
6) Сочетание аскрипции и выборов (Ascription + Election)						
7) Переходные или ограниченные выборы (Transitional or Restricted Election)						
8) Соревновательные выборы (Competitive Election)						

	белая заливка = полная автократия (Full Autocracy)
	светло-серая заливка = частичная автократия (Partial Autocracy)
	темно-серая заливка = факциональная демократия (Partial Democracy with Factionalism/Factional Democracy)
	серая заливка = частичная демократия (Partial Democracy)
	черная заливка = полная демократия (Full Democracy)

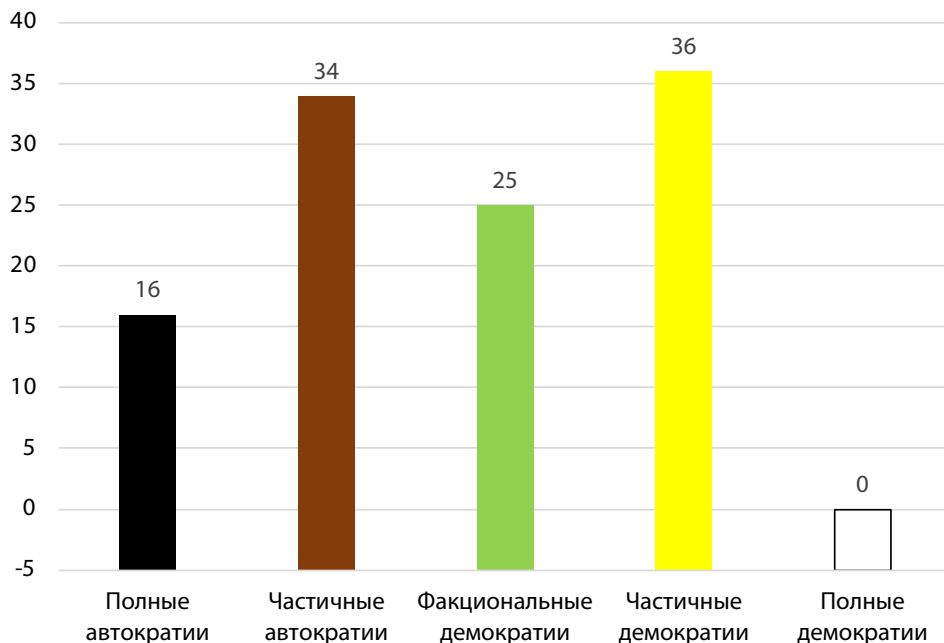

Рис. 1. Количество революций/революционных эпизодов в разных типах политических режимов по классификации Дж. Голдстоуна

взгляд подтверждается предположение о том, что автократии должны быть более устойчивы к риску революционной дестабилизации, чем анократии. С другой стороны, среди анократий наибольшее число революций/революционных эпизодов зафиксировано в частичных демократиях, за которыми следуют частичные автократии и за ними факциональные демократии.

Однако какие-либо далеко идущие выводы из рисунка 1 делать нельзя. Дело в том, что единицы наблюдения (страно-годы) распределены в используемой нами базе данных по типам режимов крайне неравномерно. Так, неконсолидированных/

представляли собой не консолидированную, а факциональную демократию, так что и этот случай в качестве исключения из упомянутого выше правила рассматриваться не может. Возможно, как аналог революционного эпизода можно считать события в Каталонии (Испания) в 2016 году и «панамгейтские» протесты в Исландии в том же 2016-м. Революционные эпизоды (или их аналоги) в консолидированных демократиях возможны в случае громких скандалов, когда население не готово ждать следующих выборов — однако если при этом наблюдаются реальные попытки свержения властей неконституционным путем (т. е. если речь идет о собственно революционных эпизодах, а не их аналогах), имеются все основания предполагать, что такому развитию событий предшествовала определенная деконсолидация демократии (подробнее о деконсолидации демократии, создающей риск революционной дестабилизации в ранее консолидированных демократиях, см.: Гринин, 2020а, 2020б; Жданов, 2020; Foa, Mounk, 2016; Howe, 2017; Shin, 2018; Levitsky, Ziblatt, 2018; Corbett, 2019; Inglehart, Norris, 2019; Mărcău, 2019; Goldstone et al., 2022c).

частичных демократий зафиксировано в два с лишним раза больше, чем факциональных демократий. Поэтому имеет смысл учитывать не только общее число случаев революционной дестабилизации, но и статистически ожидаемое их количество. И картина тут окажется несколько иной (см. табл. 2).

Таблица 2. Наблюдаемое и ожидаемое количество революционных эпизодов по типам режимов по Дж. Голдстоуну

		Отсутствие революционных эпизодов	Революционные эпизоды	Итого	
Типы по Дж. Голдстоуну	Полная автократия	Количество	627	16	643
		Ожидаемое количество	623,5	19,5	643
	Частичная автократия	Количество	329	34	363
		Ожидаемое количество	352,0	11,0	363
	Факциональная демократия	Количество	424	25	449
		Ожидаемое количество	435,4	13,6	449
	Неконсолидированная/частичная демократия	Количество	968	36	1004
		Ожидаемое количество	973,5	30,5	1004
	Консолидированная демократия	Количество	704	0	704
		Ожидаемое количество	682,6	21,4	704

Примечание. Классификация типов режимов по системе Голдстоуна производится на основе данных Polity5 (Marshall et al., 2021).

Как мы видим, частичные демократии с учетом этого обстоятельства оказываются отнюдь не столь подвержены риску революционной дестабилизации, как это могло бы показаться, глядя на рисунок 1. Действительно, число актуально зафиксированных в них в XXI веке революций и революционных эпизодов очень велико (36). Однако это число лишь немногим больше статистически ожидаемого для них числа случаев революционной дестабилизации, а вот в частичных автократиях, хотя для них и зафиксировано меньшее число революционных событий (34), оно более чем в три раза превышает статистически ожидаемое число революций и революционных эпизодов. Таким образом, риск революционной дестабили-

зации в частичных демократиях оказывается значительно ниже, чем в частичных автократиях.

Поэтому для выяснения относительного уровня рисков революционной дестабилизации имеет смысл сравнивать не число революционных событий в тех или иных видах политических режимов, а так называемое отношение шансов, рассчитанное при помощи бинарной логистической регрессии (см. рис. 2).

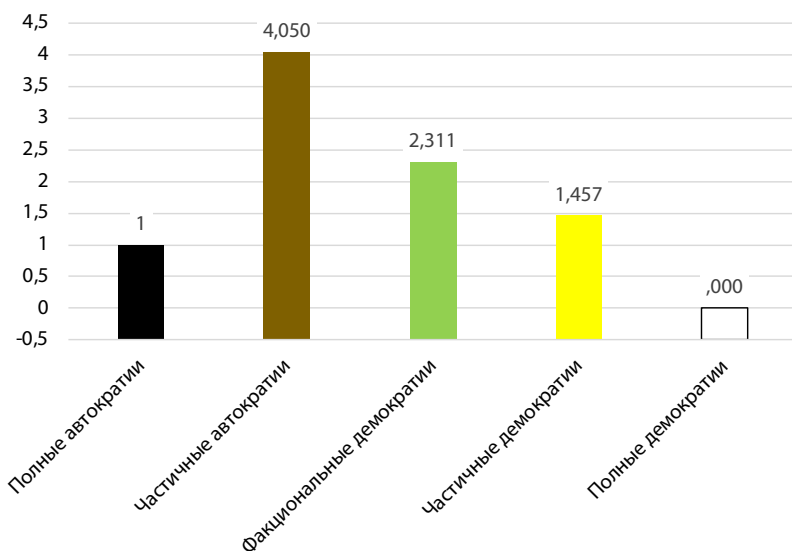

Рис. 2. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов политических режимов по классификации Дж. Голдстоуна (отношения шансов)

При проведении бинарной логистической регрессии в качестве базовой категории была выбрана «полная автократия», поэтому числа на рисунке 2 характеризуют риски революционной дестабилизации относительно именно этого типа политических режимов. Таким образом, риски революционной дестабилизации в нефракционных неконсолидированных/частичных демократиях оказываются на 45,7% выше, чем в автократиях. При этом в фракционных демократиях эти риски уже выше в два с лишним раза (на 131,1%), а в частичных автократиях они выше уже более чем в четыре раза (хотя в консолидированных демократиях эти риски меньше, чем в автократиях на 100%, т. е. реально отсутствуют).

Риски революционной дестабилизации в полных и частичных автократиях имеет смысл рассмотреть и более детально, воспользовавшись для этого отрицательной частью 21-балльной шкалы «Автократия — Демократия» Polity5 (Revised Combined Polity Score), соответствующей как раз полным и частичным автократиям (см. рис. 3).

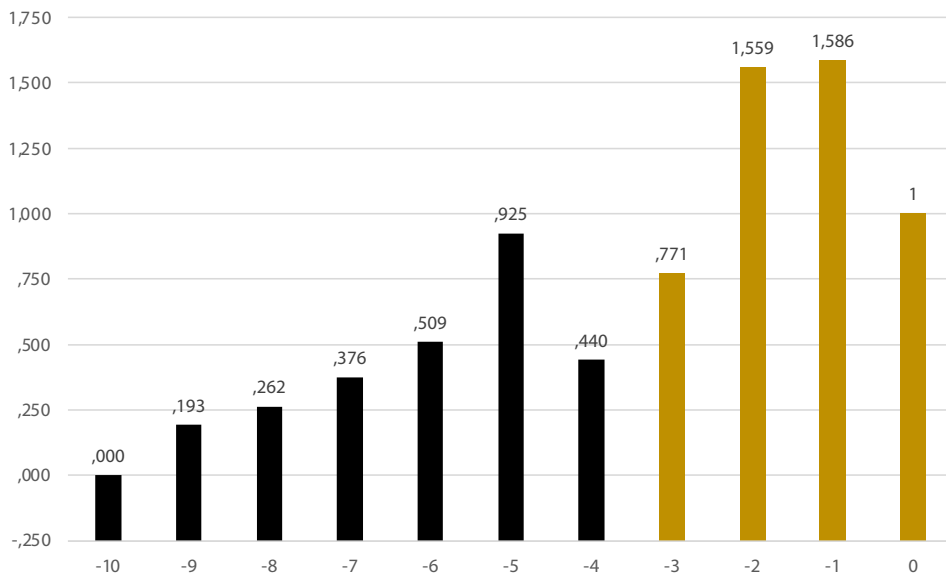

Рис. 3. Результаты бинарной логистической регрессии для отрицательной части 21-балльной шкалы «Автократия — Демократия» Polity5 (Revised Combined Polity Score), где «-10» соответствует максимальному уровню автократичности. Черным цветом залиты столбики, где преобладают полные автократии по классификации Голдстоуна, а коричневым — частичные автократии. Корреляцию между 21-балльной шкалой «Автократия — Демократия» Polity5 и пятеричной классификацией политических режимов Голдстоуна см. в Приложении 2

Для политических режимов с максимальным уровнем автократичности (-10) в XXI веке случаев революционной дестабилизации засвидетельствовано не было, что исключает возможность их использования в нашем случае в качестве базовой категории, поэтому для нее было взято нулевое значение рассматриваемой шкалы.

Особенно интересны результаты бинарного логистического регрессионного анализа (рис. 3) тем, что отчетливо показывают, как к заметному усилению рисков революционной дестабилизации может приводить любое ослабление авторитарных начал в режимах, классифицируемых как «полные автократии», причем даже задолго до того, как это ослабление дойдет до такого уровня, который позволил бы переклассифицировать их в «частичные автократии». Действительно, полное отсутствие рисков революционной дестабилизации фиксируется только для крайне немногочисленной в XXI веке группы стран-лет (всего 73 случая) с максимально выраженным уровнем автократичности — т. е. имеющих балл Polity, равный «-10». Для сравнения, число стран-лет XXI века, имеющих балл «+10» (что соответствует полностью консолидированной демократии), на порядок больше — 679 случаев. Сдвиг уровня автократичности всего на один балл с «-10» до «-9» приводит к тому, что риск революционной дестабилизации начинает отличаться от нуля, а любое дальнейшее ослабление автократических начал — к заметному росту это-

го риска, а при снижении уровня автократичности с «-9» до «-5» риск революционной дестабилизации автократического режима подсаживает почти в пять раз (революционный эпизод, едва ли ни первый за много лет, на Кубе в начале 2021 года неплохо это демонстрирует).

Качественно сходная картина наблюдается и при оценке уровня авторитарности — демократичности политических режимов XXI века на основе индекса электоральной демократии базы данных V-Dem (Coppedge et al., 2021) (см. рис. 4).

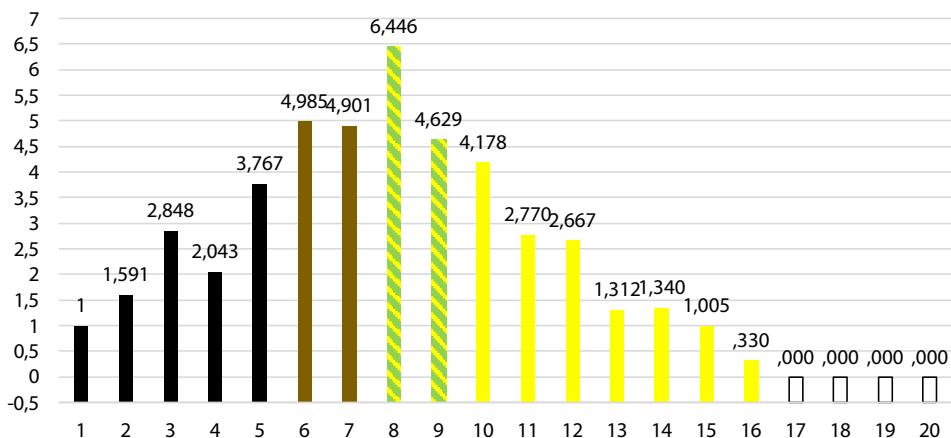

Рис. 4. Результаты бинарной логистической регрессии для вигинтей индекса электоральной демократии V-Dem (Coppedge et al., 2021). Черным цветом залиты вигинтели, где преобладают полные автократии по классификации Голдстоуна, коричневым — частичные автократии, зеленым — факциональные демократии, желтым — нефакциональные частичные демократии, белым — полные/консолидированные демократии. Вигинтели 8–9 имеют смешанную зелено-желтую заливку, так как факциональные и частичные демократии доминируют здесь примерно в равной степени. Корреляцию между вигинтелями индекса электоральной демократии V-Dem и пятеричной классификацией политических режимов Голдстоуна см. в Приложении 3

Для данного анализа все строно-годы XXI века были разбиты на 20 равных частей — вигинтелей. Таким образом, в первый вигинтель попали 5% строно-лет с самыми низкими значениями индекса электоральной демократии, а значит, характеризующиеся наиболее выраженной авторитарностью. Соответственно, во второй вигинтель — следующие 5% со значениями индекса, более высокими, чем у первого вигинтеля, и более низкими, чем у третьего вигинтеля (а значит, уровень авторитарности у строно-лет этого вигинтеля менее выражен, чем у строно-лет первого вигинтеля, но более выражен, чем у строно-лет третьего вигинтеля). А в последний, двадцатый вигинтель попали 5% стран с самыми высокими значениями индекса и, соответственно, с наиболее высоким уровнем консолидированной демократии.

Здесь в качестве базовой категории мы взяли первый вигинтиль строно-лет с наиболее выраженным уровнем авторитарности. Данный анализ дает картину, качественно сходную с той, что мы могли видеть выше. Речь идет о в целом перевернутой U-образной зависимости, когда и в последовательных автократиях, и в консолидированных демократиях риск революционной дестабилизации оказывается заметно ниже, чем в промежуточных режимах. Однако это выраженная асимметрия перевернутой U-образной зависимости с «левосторонним скосом». Действительно риски революционной дестабилизации в полных автократиях оказываются несравненно выше, чем в консолидированных демократиях, а в частичных автократиях они заметно выше, чем в нефракциональных частичных демократиях. При этом в частичных автократиях, наиболее близких к полным автократиям (шестой вигинтиль), риск революционной дестабилизации на порядок выше, чем в частичных демократиях, наиболее близких к консолидированным демократиям (шестнадцатый вигинтиль), — действительно, если в первых риск революционной дестабилизации выше, чем в наиболее полных автократиях почти в пять раз, то во вторых он ниже более чем в три раза.

Здесь прослеживается закономерность, с которой мы уже сталкивались (рис. 3), — положительная корреляция между ослаблением автократических начал и ростом рисков революционной дестабилизации уже и внутри полных автократий. Действительно, для строно-лет второго вигинтиля, где уровень автократичности режимов лишь немногим ниже, чем в первом квартиле, риск революционной дестабилизации подсакивает более чем в полтора раза по сравнению с первым кварталем, а в пятом вигинтиле полных автократий (наиболее близком к частичным автократиям) этот риск уже выше почти в четыре раза.

Рассмотрим теперь корреляцию между типом режима и рисками революционной дестабилизации с использованием типологии Freedom House (Freedom House, 2020b). Эта организация подразделяет все политические режимы мира на три большие группы — NF (Not Free), PF (Partly Free) и F (Free). Категория NF обычно отождествляется с автократиями, PF — с анократиями, а F — с демократиями (см., например: Cincotta, Weber, 2021). Однако нам такое деление представляется избыточно грубым, так как для нас особенно интересны не различия по рискам революционной дестабилизации между автократиями, анократиями и демократиями (и так уже понятно, что эти риски особо высоки в анократиях, существенно меньше в автократиях и еще меньше — в демократиях), а различия (как выясняется, достаточно существенные) внутри этих категорий. Для этого каждая из трех базовых категорий ФН была разбита на две подкатегории (и база данных Freedom House такую возможность предоставляет). Напомним, что классифицирование политий по трем типам осуществляется, по сути дела, на основе сводного рейтинга, получаемого через суммирование «рейтинга политических прав» (со значениями от 1 до 7¹⁸) и «рейтинга гражданских свобод» (также со значениями от 1 до 7), принима-

---

18. Где 1 — наиболее свободные, а 7 — наименее свободные (см., например: Puddington, 2015: 2).

ющего значения от 2 до 14¹⁹, где 2 соответствует полностью консолидированным демократиям, а 14 — абсолютным автократиям (при этом политии в интервале 2–5 классифицируются как F [«свободные» демократии], в интервале 11–14 — как NF [«несвободные» автократии], а в интервале 6–10 — как PF [«частично свободные» анократии]) (Freedom House, 2020b). Таким образом, данный суммарный индекс можно рассматривать как «индекс авторитарности» (ИА).

Интервал «демократий» (2–5) был разбит нами на два подинтервала — 2–3 («полностью консолидированные демократии») и 4–5 («не полностью консолидированные демократии»); интервал «анократий» (6–10) — на «частичные демократии» (6–7) и «частичные автократии» (8–10), а «автократии» (11–14) — на «непоследовательные полные» (11–12) и «последовательные полные автократии» (13–14). Результаты бинарного логистического теста на риск революционной дестабилизации для этих категорий представлены на рисунке 5.

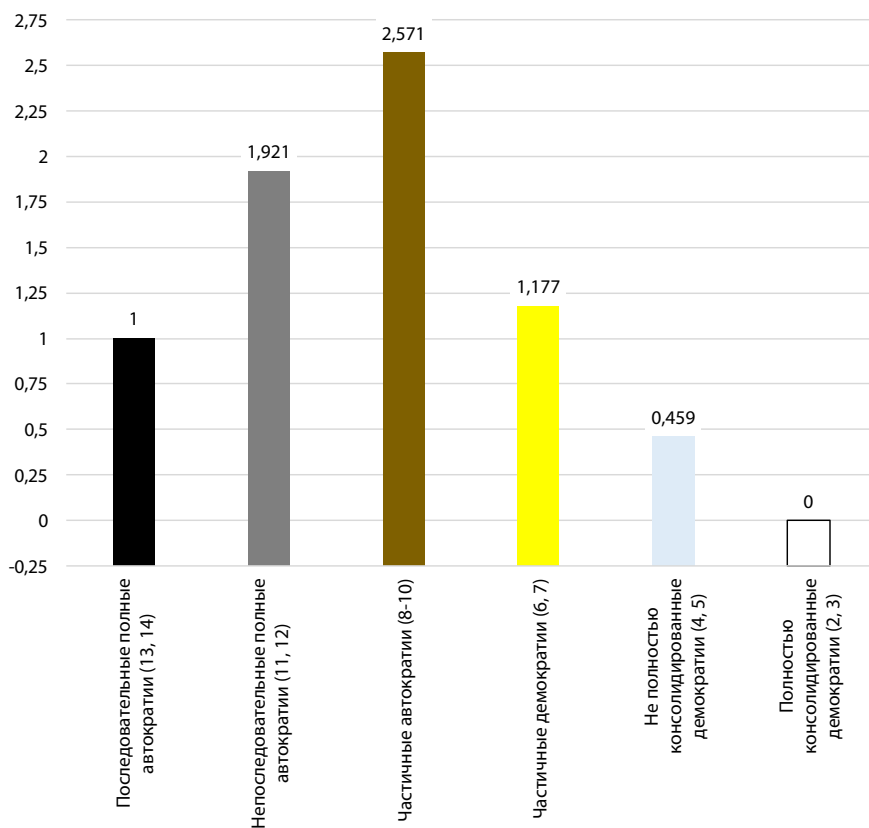

Рис. 5. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для 13-шкального индекса автократии по Freedom House, разбитого на 6 категорий (источник данных по значениям индекса — Freedom House, 2020a)

19. Впрочем, сотрудники Freedom House затем делят полученную сумму на два, но нам этот шаг представляется избыточным.

В качестве базовой категории здесь нами были взяты «последовательные полные автократии». Нетрудно увидеть, что и при использовании данных Freedom House по независимой переменной результаты оказываются качественно сходными с теми, что были представлены нами выше на основе материалов баз данных Polity5 (Marshall et al., 2021) и V-dem (Coppedge et al., 2021). Мы снова имеем дело с очевидно асимметричной перевернутой U-образной зависимостью с явно выраженным левосторонним скосом — с одной стороны, и по результатам данной регрессии, анократиям свойственен заметно более высокий уровень рисков революционной дестабилизации, чем как последовательно полным автократиям, так и полностью консолидированным демократиям, так что в целом корреляция здесь имеет перевернутый U-образный характер, и это никаких особых сомнений не вызывает. Однако и вполне определенная асимметрия данной зависимости с явно выраженным левосторонним скосом здесь никакого сомнения не вызывает. Риски революционной дестабилизации в последовательных полных автократиях оказываются более чем в четыре раза выше, чем в не полностью консолидированных демократиях, а в частичных автократиях превосходят более чем в четыре раза таковые в частичных демократиях.

Обсуждение и заключение

Итак, проведенное нами исследование показывает наличие общей перевернутой U-образной зависимости между типами режима (ранжированными по степени их авторитарности — демократичности) и уровнем рисков революционной дестабилизации. Анократиям (частичным автократиям и частичным демократиям) свойственен заметно более высокий уровень рисков революционной дестабилизации, чем как полным автократиям, так и полностью (консолидированным) демократиям. Отметим также, что и внутри полных автократий прослеживается достаточно выраженная положительная корреляция между ослаблением автократических начал и ростом рисков революционной дестабилизации (даже небольшое ослабление автократических начал в рамках полностью авторитарного режима ведет к заметному росту рисков революционной дестабилизации).

С другой стороны, в полученных нами результатах прослеживается и вполне определенная асимметрия данной зависимости с явным левосторонним скосом (при ранжировании режимов от наиболее авторитарных к наиболее демократическим). Выражается он в том, что в полных автократиях риск революционной дестабилизации несравненно выше, чем в полных (консолидированных) демократиях, а в частичных автократиях он значительно выше, чем в частичных демократиях (при этом среди частичных демократий особым рискам революционной дестабилизации оказываются подверженными факциональные демократии).

Как уже сказано, в настоящей статье из всех типов революционных событий мы исследовали только революции и революционные эпизоды, показав наличие зависимости между типами режима (ранжированными по степени их автори-

тарности–демократичности) и уровнем рисков революционной дестабилизации. В то же время другие формы революционных событий возможны и в консолидированных демократиях. Так, в XXI столетии яркими примерами революционных движений без революций можно считать события типа «Оккупай Уолл-стрит» 2011 года в США и ряде других консолидированных демократий, движения 15-M (Indignados) в Испании 2011–2012 годов, СИРИЗА 2010–2015 годов в Греции, «Революции при свечах» (Candlelight Revolution) 2016–2017 в Южной Корее²⁰, движение «Желтых жилетов» (2018 — н. в.) во Франции. Таким образом, консолидированные демократии в большой мере гарантированы от насильственной смены режима, но не гарантированы от дестабилизационных событий. Также стоит отметить, что в случае национальных и национально-освободительных движений опасность насильственного свержения режима (по крайней мере, в части страны) возрастает, и это возможно в форме аналогов революционных эпизодов (как в Каталонии в 2016 году²¹).

В заключение вернемся к вопросу, поставленному многими исследователями революций в конце прошлого века, — закончится ли эра революций с глобальным распространением демократии? Проведенный нами анализ заставляет предполагать, что если это и произойдет когда-то, то еще очень и очень нескоро. С одной стороны, наш анализ подтвердил, что в XXI веке консолидированная демократия пока что продемонстрировала себя как очень эффективный механизм предотвращения попыток свержения власти революционным путем (т. е. революционных эпизодов, не говоря уже о революциях). Но с другой, лишь менее трети всех современных демократий — консолидированные, в то время как абсолютное большинство — частичные демократии (и при этом почти треть из них факциональные) (см. табл. 2), а как мы могли это видеть выше, в частичных демократиях революции очень даже возможны (и особенно в факциональных демократиях). С другой стороны, внутри автократий сдвиги в сторону демократии только увеличивают риски революционной дестабилизации, поэтому в нашем веке «глобальное распространение демократии» сопровождалось не снижением, а скорее увеличением глобальной революционной активности, что в значительной степени и объясняет общую активизацию революционных процессов, наблюдавшуюся в этом веке (Goldstone et al., 2022a, 2022c).

Ну и, наконец, революционная дестабилизация в полном смысле этого слова (а не только лишь ее аналоги) оказывается вполне возможной в когда-то консолидированных демократиях в случае их деконсолидации. Как замечает Дж. Лоусон, «дегенерация демократического капитализма может служить прелюдией революции» (Lawson, 2019: 228–229), что дает дополнительные основания не ожидать окончания эры революций в сколько-нибудь обозримом будущем.

---

20. В этом случае можно вполне говорить об аналоге революции.

21. Хотя в настоящей статье исследованы события только XXI столетия, но полезно помнить о долгой и довольно кровавой истории национально-конфессиональной борьбы в Северной Ирландии.

Приложение 1. Революционные события XXI века

№	Страна и годы события	Название события (если есть)	Вид события	Тип революционного события
1	Гвинея, 2000–2001	«Восстание демократических сил Гвинеи»	революционный эпизод	демократический
2	Кот-д’Ивуар, 2000		революционный эпизод	национально-освободительный
3	Палестина, 2000–2005	Интифада Аль-Аксы	революционный эпизод	национально-освободительный
4	Перу, 2000	Выступления против Фухимори	революционный эпизод	демократический
5	Сенегал, 2000	Выступления против Диуфа	революционный эпизод	демократический
6	Фиджи, 2000	«Антииндуистская» революция	революционный эпизод	националистический
7	Эквадор, 2000		революционный эпизод	демократический, этнический, социальный
8	Югославия/Сербия, 2000	Бульдозерная революция	революция	демократический
9	Афганистан, 2001–2021	Повстанческое движение «Талибан»	революция/революционная партизанская война	исламистский
10	Замбия, 2001	Выступления против Фредерика Чилубы	революционный эпизод	демократический
11	Мадагаскар, 2001–2002	Выступления за демократию на Мадагаскаре	революция	демократический
12	Македония, 2001	Албанское восстание в Македонии 2001	революционный эпизод	национально-освободительный
13	Турция, 2001	Массовые демонстрации на фоне Турецкого экономического кризиса 2001 г.	революционный эпизод/РДБР/квазиреволюционный эпизод	демократический
14	Филиппины, 2001	Вторая народная революция на Филиппинах	революция	демократический
15	Венесуэла, 2002		революционный эпизод	социальный на фоне РЭ
16	Кот-д’Ивуар, 2002–2005	Восстание «Патриотического движения Кот-д’Ивуара»	неудавшаяся революция/Гражданская война	социальный, этнический

17	Непал, 2002–2006		революция/ гражданская война	демократический, социальный на фоне РЭ
18	Боливия, 2003	«Газовая» революция	революция	социальный, этнический
19	Грузия, 2003	Революция роз	революция	демократический
20	Мальдивы, 2003–2008		революционный эпизод/квази-рево- люционный эпизод	демократический
21	Судан, 2003–2012	Дарфурское восстание	революционная партизанская война	национально- освободительный
22	Центрально-Афри- канская Республи- ка, 2003–2013	Восстание «Селека»	революционный эпизод/революци- онная партизан- ская война	этническая
23	Бангладеш, 2004	Выступления против «Авами Лиг»	революционный эпизод	демократический
24	Боливия, 2004		революционный эпизод	социальный, национальный
25	Гаити, 2004	Восстание в Гаити 2004 года	восстание/револю- ционный эпизод	социальный на фоне РЭ
26	Ирак, 2004–2013	Иракское повстан- ческое движение (сунниты/Алькаида в Ираке)	неудавшаяся революция?	исламистский
27	Йемен, 2004–2010	Хуситское восста- ние/«6 войн в Сааде» (six Saada wars)	неудавшаяся революция	социальный, религиозный
28	Пакистан, 2004– 2019	Сепаратистское дви- жение Белуджистана	революционный эпизод	национально- освободительный
29	Таиланд, 2004–2019	Исламистское восстание на юге Таиланда	революционный эпизод	исламистский
30	Украина, 2004– 2005	Оранжевая револю- ция	революция	демократический
31	Эквадор, 2004– 2005	Восстание отчаяв- шихся (Rebelión de los arjidos)	революционный эпизод/РДБР	демократический
32	Иран, 2005–2018	Курдское восстание (Партия свободной жизни в Курдистане)	неудавшаяся рево- люция	национально- освободительный
33	Кыргызстан, 2005	Тюльпановая рево- люция	революция	демократический

34	Ливан, 2005	Кедровая революция	революция	национально-освободительный
35	Таиланд, 2005–2006	Выступления против Таксина Чинавата	революция/революционный эпизод	правый, монархистский?
36	Того, 2005		революционный эпизод	демократический
37	Чад, 2005–2008	Вторая гражданская война в Чаде	революционный эпизод/революционная партизанская война	демократический, социальный, этнический
38	Бангладеш, 2006–2007	Протесты Народной лиги Бангладеша (Bangladesh Awami League)	революционный эпизод	демократический
39	Ливан, 2006–2008	Сидячая забастовка ливанской оппозиции (И`тисам ал-Му`арада ал-Любнанийя)	революционный эпизод	демократический
40	Непал, 2006	Апрельская революция	революция	антимонархический на фоне РЭ
41	Сомали, 2006–2019	Исламистское повстанческое движение	революционная партизанская война	исламистский
42	Тонга, 2006	Волнения в Нукуалофа	революционный эпизод	антимонархический
43	Гвинея, 2007–2010		революционный эпизод	демократический
44	Грузия, 2007		революционный эпизод?	демократический на фоне РЭ
45	Йемен, 2007–2014	Выступление Южного движения (Аль-Хирак)	революционный эпизод	национально-освободительный
46	Коморы (Анжуан), 2007–2008	2-я Анжуанская революция	неудавшийся аналог революции	национально-освободительный/сепаратистский
47	Мьянма, 2007	Шафрановая революция	неудавшаяся революция/крупный революционный эпизод	демократический
48	Непал, 2007	Восстание Мадхеси	революционный эпизод	национально-освободительный
49	Пакистан, 2007–2019	Исламистское повстанческое движение	революционная партизанская война	исламистский

50	Палестина, 2007	Революция Хамас	революция/аналог революции	демократический, исламистский
51	Бурунди, 2008		революционный эпизод/революционная партизанская война	этнический
52	Гаити, 2008		революционный эпизод	демократический
53	Ирак, 2008–2009	Восстание Муктады ас-Садра против американской оккупации	революционная партизанская война	национально-освободительный, религиозный
54	Исландия, 2008–2009	«Революция кастрюль и сковородок»	РДБР	
55	Таиланд, 2008	Волнения желторубашечников (Народный союз за демократию)	революционный эпизод	демократический
56	Грузия, 2009	Выступления против Саакашвили	революционный эпизод?	демократический на фоне РЭ
57	Гондурас, 2009	Восстание Национального фронта народного сопротивления (Frente Nacional de resistencia Popular)	революционный эпизод	
58	Иран, 2009–2013	Зеленое движение	неудавшаяся революция	демократический
59	Йемен, 2009–2019	Выступление Аль-Каиды на Аравийском полуострове	революционный эпизод	исламистский
60	Латвия, 2009	«Революция булжников»	квазиреволюционный или малый революционный эпизод	социальный
61	Мадагаскар, 2009		революционный эпизод	демократический
62	Молдова, 2009	Твиттер-революция / виноградная революция	революция	демократический
63	Пакистан, 2009		революционный эпизод	исламистский
64	Греция, 2010–2015	СИРИЗА	РДБР	социальный
65	Западная Сахара, 2010–2019		революционный эпизод	национально-освободительный

66	Кот-д'Ивуар, 2010–2011		революция	демократический
67	Кыргызстан, 2010	Дынная революция	революция	этно-социальный и демократический
68	Тунис, 2010–2011	Жасминовая революция	революция	демократический
69	Бахрейн, 2011–2019	Жемчужная революция	неудавшаяся революция	демократический
70	Грузия, 2011		революционный эпизод?	демократический
71	Джибути, 2011	Арабская весна в Джибути	революционный эпизод/неудавшаяся революция	демократический
72	Египет, 2011	Революция 25 января	революция	демократический
73	Испания, 2011–2012	Движение 15-М/Indignados	РДБР	социальный
74	Иордания, 2011–2012	Арабская весна в Иордании	революционный эпизод	демократический
75	Йемен, 2011–2012	Йеменская революция	революция	демократический
76	Кувейт, 2011–2012	Арабская весна в Кувейте	неудавшаяся революция	демократический
77	Ливия, 2011	Революция 17 февраля	революция с перерастанием в гражданскую войну	демократический
78	Мавритания, 2011–2014	Арабская весна в Мавритании	революционный эпизод	демократический
79	Малави, 2011–2012		революционный эпизод	демократический
80	Марокко, 2011–2012	Арабская весна в Марокко	революция?/аналог революции?	демократический, исламистский
81	Нигерия, 2011–2019	Выступление Боко Харам	революционная партизанская война	исламистский
82	Сирия, 2011–2019	Сирийская революция и гражданская война	неудавшаяся революция	демократический, исламистский
83	Судан, 2011–2018	Конфликт в Южном Кордофане	революционный эпизод	национально-освободительный
84	США, 2011–2012	Occupy Wall Street	РДБР	социальный
85	Мали, 2012–2015	Туарегское восстание	неудавшаяся революция	национально-освободительный

86	Мальдивы, 2012–2013		революционный эпизод	демократический
87	Того, 2012–2013	Движение «Спасем Того»	революционный эпизод	демократический
88	Сенегал, 2012		революционный эпизод	демократический
89	Сирия, 2012–н. в.	Rojava Revolution	революция	национально-освободительный, социальный
90	Болгария, 2013–2014		революционный эпизод?/квази-революция	социальный
91	Бразилия, 2013–2016	«Уксусная революция»	РДБР	социальный
92	Венесуэла, 2013–2015		революционный эпизод	демократический
93	Египет, 2013	Революция 30 июня	революция	антиисламистский с «эндшпильным» военным переворотом
94	Египет, 2013–н. в.	Повстанческое движение на Синайском полуострове	революционный эпизод/революционная партизанская война	исламистский
95	Камбоджа, 2013–2014	Протесты в Камбодже 2013–2014	революционный эпизод	демократический
96	Камерун, 2013–2018	Революционное выступление Джамаату Ахли-с-Сунна Лиддавати валь-Джихад (филиал Боко Харам)	революционный эпизод/революционная партизанская война	исламистский
97	Сирия, 2013–2019	ИГИЛ	неудавшаяся революция	исламистский
98	Таиланд, 2013–2014	Выступления «Гражданского движения за демократию»	революционный эпизод/квази-революционный эпизод	демократический
99	Тунис, 2013		революционный эпизод	секуляристский
100	Турция, 2013	«Таксим»	революционный эпизод	демократический
101	Украина, 2013–2014	Евромайдан	революция	социальный и национально-политический
102	Центрально-Африканская Республика, 2013–2014	Восстание «Анти-балака» против «Селека»	революционный эпизод	этнорелигиозный

103	Абхазия, 2014	Абхазская революция	революция	демократический
104	Бангладеш, 2014		революционный эпизод	демократический
105	Босния, 2014	Боснийская весна	революционный эпизод?	социальный
106	Буркина-Фасо, 2014	Вторая Буркинийская революция, Deuxième révolution burkinabé	революция	демократический
107	Венесуэла, 2014–2019	Массовые протесты в Венесуэле	революционный эпизод	демократический на фоне РЭ
108	Гаити, 2014–2016	Революционные выступления против Мишеля Мартейи	революционный эпизод	демократический на фоне РЭ
109	Гонконг, 2014–2019	Революция зонтиков	революционный эпизод	национально-демократический
110	Йемен, 2014–2015	Революция 21 сентября («хуситская»)	революция	национальный, религиозный
111	Ливия, 2014–н. в.	Восстание Хафтара	революционный эпизод	антиисламистский
112	Таиланд, 2014–2019	Новое движение демократии	революционный эпизод	демократический
113	Украина, 2014–н. в.	События в Донбассе	революция	ирредентистский
114	Афганистан, 2015–н. в.	ИГИЛ-Афганистан	революционная партизанская война	исламистский
115	Бурунди, 2015		революционный эпизод	демократический
116	Гватемала, 2015		революция	демократический
117	Гондурас, 2015		революционный эпизод	
118	Индия/Ассам и др., 2015–н. в.	Революционное выступления Объединенного национального фронта освобождения Западной Юго-Восточной Азии	революционный эпизод	национально-освободительный
119	Кения, 2015–н. в.	Кенийское повстанческое движение «Аш-Шабааб»	революционная партизанская война	исламистский
120	Македония, 2015–2017	Красочная революция	революционный эпизод	демократический

121	Молдова, 2015–2016	Протесты в Молдавии 2015–2016	революционный эпизод	социальный
122	Мьянма, 2015–2019		революционный эпизод	демократический
123	Турция, 2015–2019	Восстание Рабочей партии Курдистана	революционный эпизод/революционная партизанская война	национально-освободительный
124	Эквадор, 2015–2017		РДБР	социальный
125	Зимбабве, 2016–2017	Анти-Мугабе	аналог революции	социальный, демократический
126	Индия, 2016–2019	Кашмирские антииндийские протесты	неудавшаяся революция	национально-освободительный, исламистский
127	Исландия, 2016	Панамгейтские протесты	аналог революционного эпизода	социальный
128	Испания/Каталония, 2016	Неудавшийся аналог национально-освободительной революции	неудавшийся аналог революции	национально-освободительный
129	Корея, 2016–2017	«Революция при свечах»	РДБР или аналог революции	социальный
130	Польша, 2016–2019		РДБР	
131	Турция, 2016	Попытка переворота 15 июля	неудавшийся аналог революции	секуляристский
132	Гондурас, 2017–2019		революционный эпизод	
133	Демократическая Республика Конго, 2017		революционный эпизод	демократический
134	Камерун, 2017–2019	Движение англоязычных в Камеруне	революционный эпизод	национально-освободительный
135	Мозамбик, 2017–н. в.	Исламистский мятеж в Кабу-Делгаду	революционная партизанская война	исламистский
136	Того, 2017–2019		революционный эпизод	демократический
137	Армения, 2018	Бархатная революция	революция	демократический
138	Гаити, 2018–2019		революционный эпизод	на фоне РЭ
139	Никарагуа, 2018–2019		революционный эпизод	демократический

140	Судан, 2018–2019	Суданская революция	революция	демократический с антиисламистским компонентом
141	Франция, 2018–н. в.	Желтые жилеты	РДБР	социальный
142	Алжир, 2019	Революция улыбок	неудавшаяся (?) революция	демократический
143	Боливия, 2019	Цветная революция в Боливии (Pitita revolution)	революция	демократический
144	Гамбия, 2019–2020	Кампания «Трех лет достаточно»	революционный эпизод/квазиреволюционный эпизод	демократический
145	Гонконг, 2019–2020	Протесты в Гонконге против законопроекта об экстрадиции	неудавшаяся революция	демократический, националистический
146	Ирак, 2019–2021	Иракская Октябрьская революция	РДБР или крупный революционный эпизод	социополитический
147	Ливан, 2019–2021	Революция 17 октября	РДБР или крупный революционный эпизод	социополитический
148	Чили, 2019–2021	Estallido Social	РДБР или крупный революционный эпизод	социальный
149	Армения, 2020–2021	Марш достоинства	революционный эпизод	державно-модернистский
150	Беларусь, 2020–2021	«Тапочная революция»	неудавшаяся революция	демократический
151	Кыргызстан, 2020	Третья Кыргызская революция	революция	этносоциальный и демократический
152	Мали, 2020	Массовые протесты в Мали	революционный эпизод + военный переворот	демократический
153	Непал, 2020–2021		революционный эпизод	социальный
154	Польша, 2020–2021	«Женская забастовка»	РДБР	социальный
155	Сомали, 2020–2021	Электоральная революция	революция	демократический
156	США, 2020	BLM	РДБР	социальный
157	Эфиопия, 2020–2021	Тыграйское восстание	революция	национально-освободительный

158	Гаити, 2021		революционный эпизод	демократический
159	Колумбия, 2021		революционный эпизод	социальный
160	Куба, 2021		революционный эпизод	социально-демократический
161	Мьянма, 2021	Весенняя революция в Мьянме	неудавшаяся революция/революционный эпизод	демократический
162	Палестина, 2021		революционный эпизод?	национально-освободительный
163	США, 2021	Штурм Капитолия США	революционный эпизод	правый антидемократический
164	Чад, 2021		революционный эпизод	демократический

Примечание. РДБР = революционное движение без революции; РЭ = революционная эпоха; БСВ = Ближний и Средний Восток. Таблица подготовлена по материалам базы данных «Революционные события XXI века», разрабатываемой в рамках проекта РНФ № 18-18-00254. Материалы этой базы данных к настоящему времени частично опубликованы в Системном мониторинге глобальных и региональных рисков (Гринин, Коротаев, 2020; Кайгородова, 2020; Костин, 2020а, 2020б, 2020в; Логинова, Хамов, 2020; Хамов, Шабардина, 2020).

Приложение 2. Корреляция между 21-бальной шкалой «Автократия — Демократия» Polity5 и пятеричной классификацией политических режимов Голдстоуна и др.

		Тип режима по Дж. Голдстоуну и др.					Всего
		Полная автократия	Частичная автократия	Факциональная демократия	Неконсолидированная демократия	Консолидированная демократия	
-10	Количество случаев	73	0	0	0	0	73
	Процент случаев	100.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
-9	Количество случаев	65	0	0	0	0	65
	Процент случаев	100.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
-8	Количество случаев	48	0	0	0	0	48
	Процент случаев	100.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%

21-бальная шкала «Автократия — Демократия» Polity5 Revised Combined Polity Score
(–10 — наиболее авторитарные режимы, 10 — наиболее демократические режимы)

–7	Количество случаев	203	0	0	0	0	203
	Процент случаев	100.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
–6	Количество случаев	97	4	0	0	0	101
	Процент случаев	96.0%	4.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
–5	Количество случаев	39	4	0	0	0	43
	Процент случаев	90.7%	9.3%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
–4	Количество случаев	80	36	0	0	0	116
	Процент случаев	69.0%	31.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
–3	Количество случаев	38	63	0	0	0	101
	Процент случаев	37.6%	62.4%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
–2	Количество случаев	0	98	0	0	0	98
	Процент случаев	0.0%	100.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
–1	Количество случаев	0	79	0	0	0	79
	Процент случаев	0.0%	100.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
0	Количество случаев	0	19	4	0	0	23
	Процент случаев	0.0%	82.6%	17.4%	0.0%	0.0%	100.0%
1	Количество случаев	0	5	23	1	0	29
	Процент случаев	0.0%	17.2%	79.3%	3.4%	0.0%	100.0%
2	Количество случаев	0	45	8	0	0	53
	Процент случаев	0.0%	84.9%	15.1%	0.0%	0.0%	100.0%
3	Количество случаев	0	6	39	15	0	60
	Процент случаев	0.0%	10.0%	65.0%	25.0%	0.0%	100.0%

4	Количество случаев	0	2	35	51	0	88
	Процент случаев	0.0%	2.3%	39.8%	58.0%	0.0%	100.0%
5	Количество случаев	0	0	66	96	0	162
	Процент случаев	0.0%	0.0%	40.7%	59.3%	0.0%	100.0%
6	Количество случаев	0	2	142	120	0	264
	Процент случаев	0.0%	.8%	53.8%	45.5%	0.0%	100.0%
7	Количество случаев	0	0	79	127	0	206
	Процент случаев	0.0%	0.0%	38.3%	61.7%	0.0%	100.0%
8	Количество случаев	0	0	53	300	0	353
	Процент случаев	0.0%	0.0%	15.0%	85.0%	0.0%	100.0%
9	Количество случаев	0	0	0	294	25	319
	Процент случаев	0.0%	0.0%	0.0%	92.2%	7.8%	100.0%
10	Количество случаев	0	0	0	0	679	679
	Процент случаев	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%	100.0%
Всего	Количество случаев	643	363	449	1004	704	3163
	Процент случаев	20.3%	11.5%	14.2%	31.7%	22.3%	100.0%

Приложение 3. Корреляция между вигинтиями индекса электоральной демократии V-Dem и пятеричной классификацией политических режимов Голдстоуна и др.

		Тип режима по Дж. Голдстоуну и др.					Всего	
		Полная автократия	Частичная автократия	Факциональная демократия	Неконсолидированная демократия	Консолидированная демократия		
Вигинтии индекса электоральной демократии по VDem (1 — наиболее авторитарные режимы, 20 — наиболее демократические режимы)	1	Количество случаев	177	1	0	0	0	178
		Процент случаев	99.4%	.6%	0.0%	0.0%	0.0%	100.0%
	2	Количество случаев	155	10	0	5	0	170
		Процент случаев	91.2%	5.9%	0.0%	2.9%	0.0%	100.0%
	3	Количество случаев	92	39	0	2	0	133
		Процент случаев	69.2%	29.3%	0.0%	1.5%	0.0%	100.0%
	4	Количество случаев	84	52	22	7	0	165
		Процент случаев	50.9%	31.5%	13.3%	4.2%	0.0%	100.0%
	5	Количество случаев	66	57	19	11	0	153
		Процент случаев	43.1%	37.3%	12.4%	7.2%	0.0%	100.0%
	6	Количество случаев	39	70	26	21	0	156
		Процент случаев	25.0%	44.9%	16.7%	13.5%	0.0%	100.0%
	7	Количество случаев	19	52	38	22	0	131
		Процент случаев	14.5%	39.7%	29.0%	16.8%	0.0%	100.0%
	8	Количество случаев	6	33	53	57	0	149
		Процент случаев	4.0%	22.1%	35.6%	38.3%	0.0%	100.0%

9	Количество случаев	2	15	55	77	0	149
	Процент случаев	1.3%	10.1%	36.9%	51.7%	0.0%	100.0%
10	Количество случаев	1	17	44	104	1	167
	Процент случаев	.6%	10.2%	26.3%	62.3%	.6%	100.0%
11	Количество случаев	1	10	47	111	1	170
	Процент случаев	.6%	5.9%	27.6%	65.3%	.6%	100.0%
12	Количество случаев	0	5	43	97	1	146
	Процент случаев	0.0%	3.4%	29.5%	66.4%	.7%	100.0%
13	Количество случаев	0	2	33	108	7	150
	Процент случаев	0.0%	1.3%	22.0%	72.0%	4.7%	100.0%
14	Количество случаев	0	0	19	122	18	159
	Процент случаев	0.0%	0.0%	11.9%	76.7%	11.3%	100.0%
15	Количество случаев	0	0	25	81	44	150
	Процент случаев	0.0%	0.0%	16.7%	54.0%	29.3%	100.0%
16	Количество случаев	0	0	2	87	59	148
	Процент случаев	0.0%	0.0%	1.4%	58.8%	39.9%	100.0%
17	Количество случаев	0	0	3	39	126	168
	Процент случаев	0.0%	0.0%	1.8%	23.2%	75.0%	100.0%
18	Количество случаев	0	0	3	29	138	170
	Процент случаев	0.0%	0.0%	1.8%	17.1%	81.2%	100.0%
19	Количество случаев	0	0	10	16	157	183
	Процент случаев	0.0%	0.0%	5.5%	8.7%	85.8%	100.0%

20	Количество случаев	0	0	3	8	152	163
	Процент случаев	0.0%	0.0%	1.8%	4.9%	93.3%	100.0%
Всего	Количество случаев	642	363	445	1004	704	3158
	Процент случаев	20.3%	11.5%	14.1%	31.8%	22.3%	100.0%

Литература

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В.* (2018). Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа // Социологический журнал. Т. 24. № 2. С. 28–65.
- Голдстоун Дж. А.* (2006). К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. № 5. С. 58–103.
- Голдстоун Дж. А.* (2015). Революции: очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин Л. Е.* (2017а). Революции: взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 5–42.
- Гринин Л. Е.* (2017б). Революции и исторический процесс // Философия и общество. № 3. С. 5–29.
- Гринин Л. Е.* (2017в). Российская революция в свете теории модернизации // История и современность № 2. С. 22–57.
- Гринин Л. Е.* (2017г). Русская революция и ловушки модернизации // Полис. № 4. С. 138–155.
- Гринин Л. Е.* (2020а). О возможности революционной ситуации в США // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11. С. 33–49.
- Гринин Л. Е.* (2020б). Сложилась ли в Америке революционная ситуация? // Век глобализации. № 3. С. 31–44.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л.* (2020). Революции XX века: теоретический и количественный анализ // Полис. № 5. С. 130–147.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* (2020). Методологические пояснения к исследованию революционных событий // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 854–861.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М.* (2016). Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель.
- Жданов А. И.* (2020). Угрозы деконсолидации либеральной демократии: определение магистрального пути эрозии демократического режима на примере Соединенных Штатов Америки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11. С. 17–32.

- Исаев Л. М., Коротаев А. В. (2015). Революционная волна 2013–2014 гг.: количественный анализ. Или — что общего между президентом Мурси и президентом Януковичем? // Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі. Київ: Талком. С. 30–33.
- Кайгородова М. Е. (2020). К вопросу о революционных событиях XXI века в странах Азии // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 899–918.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2016). ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. Т. 7. № 4. С. 72–94.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Романов Д. М. (2019). Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему // Социологическое обозрение. Т. 18. № 3. С. 9–48.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. (2017). Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Учитель.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. (2015). Украинская мозаика (Опыт количественного анализа украинской избирательной статистики) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 91–101.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. (2015). Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. № 8. С. 119–127.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. (2014). Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах // Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (ред.). История и математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов. Волгоград: Учитель. С. 43–97.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (2012). Ловушка на выходе из ловушки: математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. // Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. (ред.). Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. (2016). Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность. Опыт количественного кросс-национального анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 31–52.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. (2011). Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем // Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. (ред.). Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: Красанд/URSS. С. 45–88.

- Коротаяев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. (2010). Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Костин М. С. (2020а). Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 854–861.
- Костин М. С. (2020б). Революционные эпизоды и движения XXI века в некоторых странах Восточной Европы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 854–861.
- Костин М. С. (2020в). «Уксусная революция» 2013–2016 годов в Бразилии // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 854–861.
- Ленин В. И. (1969). Крах II Интернационала // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Изд-во политической лит-ры. С. 209–265.
- Логинава А. А., Хамов А. В. (2020). Некоторые революционные события в Африке и на Ближнем Востоке (2005–2019) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 919–930.
- Розов Н. С. (2019). Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: Красанд/URSS.
- Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И., Цыганков В. В. (2019). Революционные волны в ритмах глобальной модернизации. М.: Красанд/URSS.
- Тилли Ч. (2019). От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева под науч. ред. С. Моисеева. М.: ВШЭ.
- Хамов А. В., Шабардина А. Д. (2020). Некоторые революционные события в Латинской Америке (2000–2019) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 862–877.
- Хантингтон С. (2003). Третья волна: демократизация в конце XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН.
- Шульц Э. Э. (2016). Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: Ленанд/USSR.
- Ackerman P., Karatnycky A. (eds.). (2005). How Freedom is Won: From Civic Resistance to Durable Democracy. Washington: Freedom House.
- Ackerman P., Kruegler C. (1994) Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century. Westport: Praeger.
- Albrecht H. (2005). How Can Opposition Support Authoritarianism? Lessons from Egypt // Democratization, Vol. 12. № 3. P. 378–397.
- Albrecht H., Koehler K. (2020). Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes // International Area Studies Review. Vol. 23. № 2. P. 135–159.
- Albrecht H., Wegner E. (2006). Autocrats and Islamists: Contenders and Containment in Egypt and Morocco // Journal of North African Studies. Vol. 11. № 2. P. 123–141.
- Andreski S. L. (1998). A Typology of Revolutions from a Morphological Viewpoint // International Journal on World Peace. Vol. 5. № 1. P. 25–43.

- Ardagna S., Caselli F.* (2014). The Political Economy of the Greek Debt Crisis: A Tale of Two Bailouts // *American Economic Journal: Macroeconomics*. Vol. 6. № 4. P. 291–323.
- Banks A. S., Wilson K. A.* (2021). Cross-National Time-Series Data Archive Coverage. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com> (дата доступа: 10.06.2022).
- Bayer M., Bethke F. X., Lambach D.* (2016). The Democratic Dividend of Nonviolent Resistance // *Journal of Peace Research*. Vol. 53. № 6. P. 758–771.
- Bearman P. S.* (1993). *Relations into Rhetoric: Local Elite Social Structure in Norfolk, England 1540–1640*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Beck C. J.* (2015). *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*. Cambridge: Polity Press.
- Beck C. J.* (2017). *Revolutions: Robust Findings, Persistent Problems, and Promising Frontiers* // *Stohl M., Lichbach M. I., Grabosky P. N.* (eds.) *States and Peoples in Conflict: Transformations of Conflict Studies*. N. Y.: Routledge. P. 168–183.
- Beissinger M. R.* (2007). Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives in Politics*. Vol. 5. № 2. P. 259–276.
- Beissinger M. R.* (2022). *The Revolutionary City*. Princeton: Princeton University Press.
- Besaçon M. L.* (2005). Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides // *Journal of Peace Research*. Vol. 42. № 4. P. 393–415.
- Butcher C., Svensson I.* (2016). Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. № 2. P. 311–339.
- Carroll R., Pond A.* (2021). Costly Signaling in Autocracy // *International Interactions*. Vol. 47. № 4. P. 612–632.
- Castañeda J.* (1993). *Utopia Unarmed: The Latin American Left after the Cold War*. N. Y.: Vintage Books.
- Celestino M. R., Gleditsch K. S.* (2013). Fresh Carnations or All Thorn, No Rose? Nonviolent Campaigns and Transitions in Autocracies // *Journal of Peace Research*. Vol. 50. № 3. P. 385–400.
- Chenoweth E., Shay C. W.* (2020a). List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Shay C. W.* (2020b). NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Stephan M. J.* (2011). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. N. Y.: Columbia University Press.
- Chenoweth E., Ulfelder J.* (2017). Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. № 2. P. 298–324.
- Cincotta R., Weber H.* (2021). Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts // *Goerres A., Vanhuysse P.* (eds.) *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. L.: Palgrave. P. 57–92.

- Colburn F. D. (1994). *The Vogue of Revolution in Poor Countries*. Princeton: Princeton University Press.
- Coppedge, M., Gerring J., Knutsen C. H., Lindberg S. I., Teorell J., Alizada N., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish M. S., Gastaldi L., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Hindle G., Ilchenko N., Krusell J., Luhrmann A., Maerz S. F., Marquardt K. L., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Paxton P., Pemstein D., Pernes J., von Römer J., Sigman R., Skaaning S., Staton J., Sundström A., Tzelgov E., Wang Y., Wig T., Wilson S., Ziblatt D. (2021). V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1 Varieties of Democracy Project. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (дата доступа: 10.06.2022).
- Corbett J. (2019). The Deconsolidation of Democracy: Is It New and What Can Be Done About It? // *Political Studies Review*. Vol. 18. № 2. P. 178–188.
- Davies J. C. (1962). *Toward a Theory of Revolution* // *American Sociological Review*. Vol. 27. № 1. P. 5–19.
- Davies J. C. (1969). *Toward a Theory of Revolution* // McLaughlin B. (ed.) *Studies in Social Movements: A Social Psychological Perspective*. N. Y.: Free Press. P. 85–108.
- Derluigian G., Hovhannisyan R. (2022). The Armenian Revolution of 2018: A Historical-Sociological Interpretation // Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 899–922.
- DeFronzo J. (1996). *Revolutions and Revolutionary Movements*. Boulder: Westview.
- Dogan M., Higley J. (1998). *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Boulder: Rowman & Littlefield.
- Eisenstadt S. (1978). *Revolution and the Transformation of Societies*. N. Y.: Free Press.
- Ellingsen T. (2000). Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 44. № 2. P. 228–249.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P. (1997). Democracy and Armed Conflict in the Third World // Volder K., Smith D. (eds.) *Causes of Conflict in the Third World*. Oslo, Norway: North/South Coalition and International Peace Research Institute. P. 69–81.
- Esty D., Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. (1998). *State Failure Task Force Report: Phase II Findings*. McLean: Application International.
- Evrividou A., Drury J. (2013). This is the Time of Tension: Collective Action and Subjective Power in the Greek Anti-Austerity Movement // *Contention*. Vol. 1. № 1. P. 31–51.
- Fearon J., Laitin D. (2003). Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 1. P. 75–90.
- Foa R. S., Mounk Y. (2016). The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect // *Journal of Democracy*. Vol. 27. № 3. P. 5–17.
- Fox J. (2004). The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001 // *Journal of Peace Research*. Vol. 41. № 6. P. 715–731.

- Francisco R. A.* (1995). The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 39. № 2. P. 263–282.
- Freedom House. (2020a). Freedom in the World Database. Washington: Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/All_data_FIW_2013-2021.xlsx (дата доступа: 10.06.2022).
- Freedom House. (2020b). Freedom in the World 2020 Methodology. Washington: Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/Freedom_in_the_World_2020_Methodology.pdf (дата доступа: 10.06.2022).
- Fukuyama F.* (1989). The End of History // *The National Interest*. № 16. P. 3–18.
- Fukuyama F.* (1992). *The End of History and the Last Man*. N. Y.: Free Press.
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T.* (2017). Regime Types and Terrorism // *International Organization*. Vol. 71. № 3. 491–522.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H.* (2006). Institutional Consistency and Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 50. № 4. P. 893–908.
- Gilli M., Li Y.* (2015). Coups, Revolutions and Efficient Policies in Autocracies // *European Journal of Political Economy*. Vol. 39. P. 109–124.
- Gleditsch K. S., Hegre H.* (2014). Regime Type and Political Transition in Civil War // *DeRouen K., Newman E.* (eds.). *Routledge Handbook of Civil War*. L.: Routledge. P. 145–156.
- Gleditsch N. P., Hegre H., Strand H.* (2009). Democracy and Civil War // *Midlarsky M.* (ed.). *Handbook of War Studies III*. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 155–192.
- Goldstone J. A.* (1986). State Breakdown in the English Revolution: A New Synthesis // *American Journal of Sociology*. Vol. 92. № 2. P. 257–322.
- Goldstone J. A.* (1988). East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 30. № 1. P. 103–142.
- Goldstone J. A.* (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Goldstone J. A.* (2001). An Analytical Framework // *Katz M. N.* (ed.) *Revolution: International Dimensions*. Washington: CQ Pres. P. 9–29.
- Goldstone J. A.* (2009). Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East*. Vol. 29. № 1. P. 8–32.
- Goldstone J. A.* (2011). Cross-Class Coalitions and the Making of the Arab Revolts of 2011 // *Swiss Political Science Review*. Vol. 17. № 4. P. 457–462.
- Goldstone J. A.* (2016). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World: Population Change and State Breakdown in England, France, Turkey and China 1600–1850* (25th Anniversary Edition). L.: Routledge.

- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M., Marshall M. G., Ulfelder J., Woodward M. (2010). A Global Forecasting Model of Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1. P. 190–208.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022a). Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 1–34.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022b). On Theories and Phenomenon of Revolution // Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 37–68.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022c). How Many Revolutions will We See in the 21st Century? // Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 1037–1061.
- Goldstone J. A., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr. A. (2000). *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Goodwin J. (2001a). Is the Age of Revolutions Over? // Katz M. N. (ed.). *Revolution: International Dimensions*. Washington: CQ Press. P. 272–283.
- Goodwin J. (2001b). *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goodwin J. (2003). The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution // Foran J. (ed.). *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. L.: Zed Books. P. 59–72.
- Grinin L. (2012). State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization // *Cliodynamics*. Vol. 3. № 1. P. 24–157.
- Grinin L. (2013). State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization // *Social Evolution & History*. Vol. 12. № 2. P. 35–76.
- Grinin L. (2022). On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution // Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 69–104.
- Grinin L., Grinin A. (2022). Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century // Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 315–387.
- Gurr T. R. (1974). Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971 // *American Political Science*. Vol. 68. № 4. P. 1482–1504.
- Haggard S., Kaufman R. R. (1995). *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton: Princeton University Press.

- Halliday F.* (1999). *Revolution and World Politics: The Rise and Fall of the Sixth Great Power*. Durham: Duke University Press.
- Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gledish N. P.* (2001). Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992 // *American Political Science*. Vol. 95. № 1. P. 33–48.
- Hough J.* (1997). *Democratization and Revolution in the USSR 1985–1991*. Washington: Brookings Institution.
- Howe P.* (2017). Eroding Norms and Democratic Deconsolidation // *Journal of Democracy*. Vol. 28. № 4. P. 15–29.
- Huntington S. P.* (1968). *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Inglehart R., Norris P.* (2019). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnstad P. G.* (2010). Nonviolent Democratization: A Sensitivity Analysis of How Transition Mode and Violence Impact the Durability of Democracy // *Peace & Change*. Vol. 35. № 3. P. 464–482.
- Kadivar M. A., Ketchley N.* (2018). Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 4. P. 1–16.
- Kamrava M.* (2019). *A Concise History of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Karyotis G., Rüdig W.* (2018). The Three Waves of Anti-austerity Protest in Greece, 2010–2015 // *Political Studies Review*. Vol. 16. № 2. P. 158–169.
- Keller F.* (2012). (Why) Do Revolutions Spread? Paper presented at the 2012 Annual Meeting of the American Political Science Association. August 30 — September 2, 2012, New Orleans.
- Kim N. K., Kroeger A. M.* (2019). Conquering and Coercing: Nonviolent Anti-regime Protests and the Pathways to Democracy // *Journal of Peace Research*. Vol. 56. № 5. P. 650–666.
- Korotayev A.* (2014). Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? // *Mandal K., Asheulova N., Kirdina S.* (eds.). *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions*. New Delhi: Narosa Publishing House. P. 113–134.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A.* (2018). GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 52. № 4. P. 406–440.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J.* (2015). Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-national Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 49. № 5. P. 461–488.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L.* (2014). A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems // *Grinin L., Korotayev A.* (eds.). *History and Mathematics: Trends and Cycles*. Volgograd: Uchitel. P. 201–267.

- Korotayev A., Vaskin I., Romanov D.* (2021). Terrorism and Democracy: A Reconsideration // *Comparative Sociology*. Vol. 20. № 3. P. 344–379.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S.* (2021). Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 33. № 3. P. 572–595.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S.* (2011). A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // *Cliodynamics*. Vol. 2. № 2. P. 276–303.
- Lachmann R.* (1997). Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin // *Foran J.* (ed.) *Theorizing Revolutions*. L.: Routledge. P. 73–101.
- Lawson G.* (2016). Within and Beyond the «Fourth Generation» of Revolutionary Theory // *Sociological Theory*. Vol. 34. № 2. P. 106–127.
- Lawson G.* (2019). *Anatomies of Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levitsky S., Ziblatt D.* (2018). *How Democracies Die*. N. Y.: Crown Publishing.
- Mărcău F. C.* (2019). Dynamics of Deconsolidating Democracies of Poland, Hungary and Romania // *Astra Salvensis*. Vol. 7. P. 293–306.
- Marshall M. G., Gurr T. R.* (2020). *Polity5: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2018. Dataset Users' Manual*. Vienna: Center for Systemic Peace.
- Marshall M. G., Gurr T. R., Jagers K.* (2021). *Polity5 Project: Polity5 Annual Time-Series, 1946–2018*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls> (дата доступа: 10.06.2022).
- Massoud T. G., Doces J. A., Magee C. S. P.* (2019). Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation // *Polity*. Vol. 51. № 3. P. 429–465.
- Mitchell L. A.* (2022). The «Color» Revolutions: Successes and limitations of Non-violent Protest // *Goldstone J., Grinin L., Korotayev A.* (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 435–445.
- Muller E. N., Weede E.* (1990). Cross-national Variations in Political Violence: A Rational Action Approach // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 34. № 4. P. 624–651.
- Nodia G.* (2000). The End of Revolution? // *Journal of Democracy*. Vol. 11. № 1. P. 164–171.
- Parsa M.* (2000). *States, Ideologies, and Social Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Puddington A.* (2015). *Discarding Democracy: Return to the Iron Fist*. Freedom in the World 2015. Washington: Freedom House.
- Rasler K., Thompson W. R., Bou Nassif H.* (2022). The Extent of Military Involvement in Non-Violent, Civilian Revolts and Their Aftermath // *Goldstone J., Grinin L., Korotayev A.* (eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 739–779.
- Regan P., Bell S.* (2009). Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why Are Anocracies More Prone to Civil Wars? // *Political Research Quarterly*. Vol. 63. № 4. P. 747–759.

- Regan P. M., Norton D.* (2005). Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 49. № 3. P. 319–336.
- Ritter D.* (2015). *The Iron Case of Liberalism: International Politics and Unarmed Revolutions in the Middle East and North Africa*. Oxford: Oxford University Press.
- Sanderson S. K.* (2016). *Revolutions: A Worldwide Introduction to Social and Political Contention*. L.: Routledge.
- Selbin E.* (2001). Same as It Ever Was: The Future of Revolution at the End of the Century // *Katz M. N.* (ed.) *Revolution: International Dimensions*. Washington: CQ Press. P. 284–297.
- Selbin E.* (2019). Resistance and Revolution in the Age of Authoritarian Revanchism: The Power of Revolutionary Imaginaries in the Austerity-Security State Era // *Millennium*. Vol. 47. № 3. P. 483–496.
- Selbin E.* (2022). All around the World: Revolutionary Potential in the Age of Authoritarian Revanchism // *Goldstone J., Grinin L., Korotayev A.* (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. P. 415–433.
- Shin D. C.* (2018). The Deconsolidation of Liberal Democracy in Korea: Exploring its Cultural Roots // *Korea Observer*. Vol. 49. № 1. P. 107–136.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A.* (2017). Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 51. № 1. P. 26–50.
- Snyder R.* (1998). Paths out of Sultanistic Regimes: Combining Structural and Voluntarist Perspectives // *Chehabi H. E., Linz J. J.* (eds.) *Sultanistic Regimes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press., P. 49–81.
- Snyder R.* (1999). The End of Revolution? // *The Review of Politics*. Vol. 61. № 1. P. 5–28.
- Stephan M. J., Chenoweth E.* (2008) Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict // *International Security*. Vol. 33. № 1 P. 7–44.
- Stone B.* (2014) *The Anatomy of Revolution Revisited: A Comparative Analysis of England, France, and Russia*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Stradiotto G. A., Guo S.* (2010) Transitional Modes of Democratization and Democratic Outcomes // *International Journal on World Peace*. Vol. 27. № 4. P. 5–40.
- Tilly C.* (1978) *From Mobilization to Revolution*. New York: McGraw-Hill.
- Treisman D.* (2020). Democracy by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government // *American Political Science Review*. Vol. 114. № 3. P. 792–810.
- Urdal H.* (2006). A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // *International Studies Quarterly*. Vol. 50. № 3. P. 607–629.
- Vogiatzoglou M.* (2017). Turbulent Flow: Anti-austerity Mobilization in Greece // *Della Porta D., Andretta M., Fernandes T., O'Connor F., Romanos E., Vogiatzoglou M.* *Late Neoliberalism and its Discontents in the Economic Crisis: Comparing Social Movements in the European Periphery*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 99–129.

Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century

Andrey Korotayev

Professor, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory for Monitoring of Destabilization Risks, HSE University
Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Leonid Grinin

Doctor of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow, Laboratory for Monitoring of Destabilization Risks, HSE University
Senior Research Fellow, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: leonid.grinin@gmail.com

Ilya Medvedev

Junior Research Fellow, Laboratory for Monitoring of Destabilization Risks, HSE University
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: semyonkot@yandex.ru

Maxim Slav

Junior Research Fellow, Laboratory for Monitoring of Destabilization Risks, HSE University
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: maximslav@yandex.ru

In this paper, we report the inverted U-shaped relationship between the regime type (on the autocracy — democracy scale) and the risks of revolutionary destabilization. Autocracies tend to be more vulnerable to revolutionary destabilization than full autocracies or consolidated democracies. We would also point at a strong positive correlation between the weakening of autocracies and the risks of revolutionary destabilization that exists among full autocracies. We also observe a certain asymmetry of the U-shaped relationship with full autocracies being far more vulnerable to revolutionary destabilization than full democracies, and with partial autocracies being far more vulnerable to revolutionary destabilization than partial democracies (with factional democracies being the most exposed type of partial democracies). We hence answer the question posed in the late twentieth century if the era of revolution ends with the spread of democracies. The analysis suggests that this will not happen in the foreseeable future. On the one hand, our analysis confirms that consolidated democracy is the most efficient mechanism preventing the emergence of any serious attempts to overthrow power via revolutionary means. However, on the other hand, less than a third of contemporary democracies are consolidated, whereas most of the twenty-first century democracies are partial (a third of which, in turn, are factional democracies); and, as our analysis suggests, revolutions are rather probable in partial democracies (and are even more probable in factional ones). In addition, full autocracies that start moving toward democracy and shifting to partial autocratic rule have increased risks of revolutionary destabilization, which explains why the contemporary global spread of democracy was associated with a rise — rather than a decline — of revolutionary activity. Also, as we find, revolutionary events, e. g., revolutionary movements without revolutions and analogues of revolutions, are quite possible in consolidated democracies. Finally, strong forms of revolutionary destabilization are quite possible in cases when consolidated democracy de-consolidates, which also suggests that the era of revolutions is not going to end in the foreseeable future.

Keywords: revolutions, political regimes, destabilization, 21st century, anocracy, democracy, autocracy, forecast, quantitative analysis

References

- Ackerman P. P., Karatnycky A. (eds.) (2005) *How Freedom is Won: From Civic Resistance to Durable Democracy*, Washington: Freedom House.
- Ackerman P. P., Krueger C. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*, Westport: Praeger.
- Albrecht H. (2005) How Can Opposition Support Authoritarianism? Lessons from Egypt. *Democratization*, vol. 12, no 3, pp. 378–397.
- Albrecht H., Koehler K. (2020) Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes. *International Area Studies Review*, vol. 23, no 2, pp. 135–159.
- Albrecht H., Wegner E. (2006) Autocrats and Islamists: Contenders and Containment in Egypt and Morocco. *Journal of North African Studies*, vol. 11, no 2, pp. 123–141.
- Andreski S. L. (1998) A Typology of Revolutions from a Morphological Viewpoint. *International Journal on World Peace*, vol. 5, no 1, pp. 25–43.
- Ardagna S., Caselli F. (2014) The Political Economy of the Greek Debt Crisis: A Tale of Two Bailouts. *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 6, no 4, pp. 291–323.
- Banks A. S., Wilson K. A. (2021) Cross-National Time-Series Data Archive Coverage, Jerusalem, Israel: Databanks International. Available at: <http://www.databanksinternational.com> (accessed 10 June 2022).
- Bayer M., Bethke F. X., Lambach D. (2016) The Democratic Dividend of Nonviolent Resistance. *Journal of Peace Research*, vol. 53, no 6, pp. 758–771.
- Bearman P. S. (1993) *Relations into Rhetorics: Local Elite Social Structure in Norfolk, England 1540–1640*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- Beck C. J. (2015) *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*, Cambridge: Polity Press.
- Beck C. J. (2017) Revolutions: Robust Findings, Persistent Problems, and Promising Frontiers. *States and Peoples in Conflict: Transformations of Conflict Studies* (eds. M. Stohl, M. I. Lichbach, P. N. Grabosky), New York: Routledge, pp. 168–183.
- Beissinger M. R. (2007) Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. *Perspectives in Politics*, vol. 5, no 2, pp. 259–276.
- Beissinger M. R. (2022) *The Revolutionary City*, Princeton: Princeton University Press.
- Besançon M. L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*, vol. 42, no 4, pp. 393–415.
- Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no 2, pp. 311–339.
- Carroll R., Pond A. (2021) Costly Signaling in Autocracy. *International Interactions*, vol. 47, no 4, pp. 612–632.
- Castañeda J. (1993) *Utopia Unarmed: The Latin American Left after the Cold War*, New York: Vintage Books.
- Celestino M. R., Gleditsch K. S. (2013) Fresh Carnations or All Thorn, No Rose? Nonviolent Campaigns and Transitions in Autocracies. *Journal of Peace Research*, vol. 50, no 3, pp. 385–400.
- Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*, Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *NAVCO 1.3 Codebook*, Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Stephan M. J. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*, New York: Columbia University Press.
- Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no 2, pp. 298–324.
- Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions* (eds. A. Goerres, P. P. Vanhuyse), London: Palgrave, pp. 57–92.
- Colburn F. D. (1994) *The Vogue of Revolution in Poor Countries*, Princeton: Princeton University Press.

- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C. H., Lindberg S. I., Teorell J., Alizada N., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish M. S., Gastaldi L., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Hindle G., Ilchenko N., Krusell J., Luhrmann A., Maerz S. F., Marquardt K. L., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Paxton PP., Pemstein D., Pernes J., von Römer J., Seim B., Sigman R., Skaaning S., Staton J., Sundström A., Tzelgov E., Wang Y., Wig VOL., Wilson S., Ziblatt D. (2021) V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1. Varieties of Democracy Project.
- Corbett J. (2019) The Deconsolidation of Democracy: Is It New and What Can Be Done About It? *Political Studies Review*, vol. 18, no 2, pp. 178–188.
- Davies J. C. (1962) Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*, vol. 27, no 1, pp. 5–19.
- Davies J. C. (1969) Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements: A Social Psychological Perspective* (ed. B. McLaughlin), New York: Free Press, pp. 85–108.
- DeFronzo J. (1996) *Revolutions and Revolutionary Movements*, Boulder: Westview.
- Derluguian G., Hovhannisyann R. (2022) The Armenian Revolution of 2018: A Historical-Sociological Interpretation. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 899–922.
- Dogan M., Higley J. (1998) *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*, Boulder: Rowman & Littlefield.
- Eisenstadt S. (1978) *Revolution and the Transformation of Societies*, New York: Free Press.
- Ellingsen T. (2000) Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 44, no 2, pp. 228–249.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P. P. (1997) Democracy and Armed Conflict in the Third World. *Causes of Conflict in the Third World* (eds. K. Volder, D. Smith), Oslo, Norway: North/South Coalition and International Peace Research Institute, pp. 69–81.
- Esty D., Goldstone J. A., Gurr R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. (1998) *State Failure Task Force Report: Phase II Findings*, McLean: Application International.
- Evrpidou A., Drury J. (2013) This is the Time of Tension: Collective Action and Subjective Power in the Greek Anti-Austerity Movement. *Contention*, vol. 1, no 1, pp. 31–51.
- Fearon J., Laitin D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*, vol. 97, no 1, pp. 75–90.
- Foa R. S., Mounk Y. (2016) The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect. *Journal of Democracy*, vol. 27, no 3, pp. 5–17.
- Fox J. (2004) The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001. *Journal of Peace Research*, vol. 41, no 6, pp. 715–731.
- Francisco R. A. (1995) The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 39, no 2, pp. 263–282.
- Freedom House (2020) Freedom in the World Database. Washington DC: Freedom House. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/All_data_FIW_2013-2021.xlsx (accessed 10 June 2022).
- Freedom House (2020) Freedom in the World 2020 Methodology. Washington DC: Freedom House. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/Freedom_in_the_World_2020_Methodology.pdf (accessed 10 June 2022).
- Fukuyama F. (1989) The End of History. *The National Interest*, no 16, pp. 3–18.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T. (2017) Regime Types and Terrorism. *International Organization*, vol. 71, no 3, 491–522.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. (2006) Institutional Consistency and Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 50, no 4, pp. 893–908.
- Gilli M., Li Y. (2015) Coups, Revolutions and Efficient Policies in Autocracies. *European Journal of Political Economy*, vol. 39, pp. 109–124.
- Gleditsch K. S., Hegre H. (2014) Regime Type and Political Transition in Civil War. *Routledge Handbook of Civil War* (eds. K. DeRouen, E. Newman), London: Routledge, pp. 145–156.
- Gleditsch N. P., Hegre H., Strand H. (2009) Democracy and Civil War. *Handbook of War Studies III* (ed. M. Midlarsky), Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 155–192.

- Goldstone J. A. (1986) State Breakdown in the English Revolution: A New Synthesis. *American Journal of Sociology*, vol. 92, no 2, pp. 257–322.
- Goldstone J. A. (1988) East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 30, no 1, pp. 103–142.
- Goldstone J. A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley: University of California Press.
- Goldstone J. A. (2001) An Analytical Framework. *Revolution: International Dimensions* (ed. M. N. Katz), Washington: CQ Pres., pp. 9–29.
- Goldstone J. A. (2006) K teoriji revoljucij četvertogo pokolenija [Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory]. *Logos*, no 5, pp. 58–103.
- Goldstone J. A. (2009) Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes. *Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East*, vol. 29, no 1, pp. 8–32.
- Goldstone J. A. (2011) Cross-Class Coalitions and the Making of the Arab Revolts of 2011. *Swiss Political Science Review*, vol. 17, no 4, pp. 457–462.
- Goldstone J. A. (2015) *Revoljucii: očen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: Very Short Introduction], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Goldstone J. A. (2016) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World: Population Change and State Breakdown in England, France, Turkey and China 1600–1850* (25th Anniversary Edition), London: Routledge.
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M., Marshall M. G., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A Global Forecasting Model of Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 54, no 1, pp. 190–208.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 1–34.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) On Theories and Phenomenon of Revolution. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 37–68.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Conclusion. How many revolutions will we see in the 21st century? *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 1037–1061.
- Goldstone J. A., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P.P., Ulfelder J., Unger Jr. A. (2000) *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*, McLean: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Goodwin J. (2001) Is the Age of Revolutions Over? *Revolution: International Dimensions* (eds. M. N. Katz), Washington: CQ Pres., pp. 272–283.
- Goodwin J. (2001) *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*, Berkeley: Cambridge University Press.
- Goodwin J. (2003) The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution. *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization* (ed. J. Foran), London: Zed Books, pp. 59–72.
- Grinin L. (2012) State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics*, vol. 3, no 1, pp. 24–157.
- Grinin L. (2013) State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History*, vol. 12, no 2, pp. 35–76.
- Grinin L. (2017) Revoljucii: vzgljad na pjatisotletnij trend [Revolutions: A Look at the Five-Hundred-Year Trend]. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*, no 2, pp. 5–42.
- Grinin L. (2017) Revoljucii i istoricheskij process [Revolutions and Historical Process]. *Filosofija i obshhestvo*, no 3, pp. 5–29.

- Grinin L. (2017) Rossijskaja revoljucija v svete teorii modernizacii [Russian Revolution in the Light of Modernization Theory]. *Istorija i sovremennost'*, no 2, pp. 22–57.
- Grinin L. (2017) Russkaja revoljucija i lovushki modernizacii [Russian Revolution and Modernization Trap]. *Polis*, no 4, pp. 138–155.
- Grinin L. (2020) O vozmozhnosti revoljucionnoj situacii v SShA [On the Possibility of a Revolutionary Situation in the USA]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov: ezhegodnik*, vol. 11, pp. 33–49.
- Grinin L. (2020) Slozhlilas' li v Amerike revoljucionnaja situacija? [Is There a Revolution Situation in the USA?]. *Vek globalizacii*, no 3, pp. 31–44.
- Grinin L. (2022) On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 69–104.
- Grinin L., Grinin A. (2020) Revoljucii XX veka: teoreticheskij i kolichestvennyj analiz [Revolutions of the 20th Century: Theoretical and Quantitative Analysis]. *Polis*, no 5, pp. 130–147.
- Grinin L., Grinin A. (2022) Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 315–387.
- Grinin L., Korotaev A. (2020) Metodologicheskie pojasnenija k issledovaniju revoljucionnyh sobytij [Methodological Explanations to the Research of Revolutionary Events]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 854–861.
- Grinin L., Korotaev A., Isaev L. (2016) *Revoljucii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East], Moscow: Uchitel'.
- Gurr V. R. (1974) Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science*, vol. 68, no 4, pp. 1482–1504.
- Haggard S., Kaufman R. R. (1995) *The Political Economy of Democratic Transitions*, Princeton: Princeton University Press.
- Halliday F. (1999) *Revolution and World Politics: The Rise and Fall of the Sixth Great Power*, Durham: Duke University Press.
- Khamov A., Shabardina A. (2020) Nekotorye revoljucionnye sobytija v Latinskoj Amerike (2000–2019) [Some Revolutionary Events in Latin America (2000–2019)]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 862–877.
- Huntington S. (2003) *Tret'ja volna: demokratizacija v konce HH veka* [The Third Wave: Democratization at the End of the Twentieth Century], Moscow: ROSSPEN.
- Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gledish N. P.P. (2001) Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992. *American Political Science*, vol. 95, no 1, pp. 33–48.
- Hough J. (1997) *Democratization and Revolution in the USSR 1985–1991*, Washington: Brookings Institution.
- Howe P.P. (2017) Eroding Norms and Democratic Deconsolidation. *Journal of Democracy*, vol. 28, no 4, pp. 15–29.
- Huntington S. P.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Inglehart R., Norris P.P. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Isaev L., Korotaev A. (2015) Revoljucionnaja volna 2013–2014 gg.: kolichestvennyj analiz. Ili — chto obshhego mezhdu prezidentom Mursi i prezidentom Janukovichem? [The Revolutionary Wave 2013–2014: Quantitative Analysis; Or, What do President Morsi and President Yanukovich Have in Common?]. *Social'ni ta politichni konfiguracii modernu: politichna vlada v Ukraini ta sviti* [Social and Political Configurations of Modernity: Political Contribution in Ukraine and the World], Kiiiv: Talkom, pp. 30–33.
- Johnstad P.P. G. (2010) Nonviolent Democratization: A Sensitivity Analysis of How Transition Mode and Violence Impact the Durability of Democracy. *Peace & Change*, vol. 35, no 3, pp. 464–482.
- Kadivar M. A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, pp. 1–16.

- Kaigorodova M. (2020) K voprosu o revoljucionnyh sobytijah XXI veka v stranah Azii [On the Question of the Revolutionary Events of the XXI Century in Asian Countries]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 899–918.
- Kamrava M. (2019) *A Concise History of Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Karyotis G., Rüdig W. (2018) The Three Waves of Anti-austerity Protest in Greece, 2010–2015. *Political Studies Review*, vol. 16, no 2, pp. 158–169.
- Keller F. (2012) (Why) Do Revolutions Spread? Paper presented at the 2012 Annual Meeting of the American Political Science Association. August 30 — September 2, 2012, New Orleans.
- Kim N. K., Kroeger A. M. (2019) Conquering and Coercing: Nonviolent Anti-regime Protests and the Pathways to Democracy. *Journal of Peace Research*, vol. 56, no 5, pp. 650–666.
- Korotayev A. (2014) Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* (eds. K. Mandal, N. Asheulova, S. Kirdina), New Delhi: Narosa Publishing House, pp. 113–134.
- Korotaev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2016) VVP na dushu naselenija, uroven' protestnoj aktivnosti i tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza [GDP Per Capita, Protest Intensity and Regime Type: A Quantitative Analysis]. *Comparative Politics*, vol. 7, no 4, pp. 72–94.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no 4, pp. 406–440.
- Korotayev A., Grinin L., Isaev L., Bilyuga S., Vaskin I., Slinko E., Shishkina A., Meshherina K. (2017) *Destabilizacija: global'nye, nacional'nye, prirodnye faktory i mehanizmy* [Destabilization: Global, National, Natural Factors and Mechanisms], Moscow: Uchitel'.
- Korotayev A., Isaev L. (2015) Ukrainskaja mozaika: opyt kolichestvennogo analiza ukrajskoj izbratel'noj statistiki [Ukrainian Mosaic: An Attempt at Quantitative Analysis of Ukrainian Electoral Statistics]. *Politeia*, no 3, pp. 91–101.
- Korotayev A., Isaev L., Vasiliev A. (2015) Kolichestvennyj analiz revoljucionnoj volny 2013–2014 gg. [Quantitative Analysis of 2013–2014 Revolutionary Wave]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 119–127.
- Korotayev A., Isaev L., Zinkina J. (2015) Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-national Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no 5, pp. 461–488.
- Korotayev A., Khalturina D., Kobzeva S., Zinkina Y. (2011) Lovushka na vyhode iz lovushki? O nekotoryh osobennostjakh politiko-demograficheskoj dinamiki modernizirujushhihsja system [A Trap at the Exit of a Trap? On Some Features of the Political and Demographic Dynamics of Modernizing Systems]. *Proekty i riski budushhego: koncepcii, modeli, instrumenty, prognozy* [Projects and Risks of the Future: Concepts, Models, Tools, Forecasts] (eds. A. Akaev, A. Korotaev, G. Malinecky, S. Malkov), Moscow: Krasand/URSS, pp. 45–88.
- Korotayev A., Khalturina D., Malkov A., Bozhevolnov Y., Kobzeva S., Zinkina Y. (2010) *Zakony istorii: matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitija* [Laws of History: Mathematical Modeling and Forecasting of Global and Regional Development], Moscow: LKI/URSS.
- Korotayev A., Malkov C., Burova A., Zinkina Y., Khodunov A. (2012) Lovushka na vyhode iz lovushki. Matematicheskoe modelirovanie social'no-politicheskoj destabilizacii v stranah mir-sistemnoj periferii i sobytija Arabskoj vesny 2011 g. [The Trap at the Exit of the Trap: Mathematical Modeling of Socio-Political Destabilization in the Countries of the World-System Periphery and the Events of the Arab Spring 2011]. *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i nacional'nogo razvitija* [Modeling and Forecasting of Global, Regional and National Development] (eds. A. Akaev, A. Korotaev, G. Malinecky, S. Malkov), Moscow: LIBROKOM/URSS, pp. 210–276.
- Korotayev A., Malkov S. (2014) Lovushka na vyhode iz mal'tuzianskoj lovushki v sovremennyh modernizirujushhihsja obshhestvah [The Trap at the Exit from the Malthusian Trap in Modern Modernizing Societies]. *Istorija i Matematika: Aspekty demograficheskikh i social'no-ekonomicheskikh processov* [History and Mathematics: Aspects of Demographic and Socio-economic Processes] (eds. L. Grinin, A. Korotaev), Volgograd: Uchitel', pp. 43–97.

- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. (2014) A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Trends and Cycles* (eds. L. Grinin, A. Korotayev), Volgograd: Uchitel, pp. 201–267.
- Korotayev A., Slinko E., Shulgin S., Bilyuga S. (2016) Promezhutochnye tipy politicheskikh rezhimov i social'no-politicheskaja nestabil'nost': opyt kolichestvennogo kross-nacional'nogo analiza [Intermediate Types of Political Regimes and Socio-Political Instability: Quantitative Cross-national Analysis]. *Politeia*, no 3, pp. 31–52.
- Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2019) Demokratija i terorizm: novyj vzgljad na staruju problem [Democracy and Terrorism: A Re-analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 3, pp. 9–48.
- Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2021) Terrorism and Democracy: A Reconsideration. *Comparative Sociology*, vol. 20, no 3, pp. 344–379.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S. (2021) Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence*, vol. 33, no 3, pp. 572–595.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. (2011) A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics*, vol. 2, no 2, pp. 276–303.
- Kostin M. (2020) Venesujela: revoljucionnye sobytija na fone prodolzhajushhejsja revoljucionnoj jepohi (1998–2020) [Venezuela: Revolutionary Events against the Background of the Ongoing Revolutionary Era (1998–2020)]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 854–861.
- Kostin M. (2020) Revoljucionnye jepizody i dvizhenija XXI veka v nekotoryh stranah Vostochnoj Evropy [Revolutionary Episodes and Movements of the 21st Century in Some Eastern European Countries]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 854–861.
- Kostin M. (2020) "Uksusnaja revoljucija" 2013–2016 godov v Brazilii ["Vinegar Revolution" of 2013–2016 in Brazil]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 854–861.
- Lachmann R. (1997) Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. *Theorizing Revolutions* (eds. J. Foran), London: Routledge, pp. 73–101.
- Lawson G. (2016) Within and Beyond the "Fourth Generation" of Revolutionary Theory. *Sociological Theory*, vol. 34, no 2, pp. 106–127.
- Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolutions*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lenin V.I. (1969) Krah II Internacionala [The Collapse of the II International]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 26* [Complete Works, Vol. 26], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 209–265.
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018) *How Democracies Die*, New York: Crown Publishing.
- Loginova A., Khamov A. (2020) Nekotorye revoljucionnye sobytija v Afrike i na Blizhnem Vostoke (2005–2019) [Some Revolutionary Events in Africa and the Middle East (2005–2019)]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*, vol. 11, pp. 919–930.
- Mărcău F. C. (2019) Dynamics of Deconsolidating Democracies of Poland, Hungary and Romania. *Astra Salvensis*, vol. 14, pp. 293–306.
- Marshall M. G., Gurr T. R. (2020) *Polity5: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2018. Dataset Users' Manual*, Vienna: Center for Systemic Peace.
- Marshall M. G., Gurr T. R., Jaggers K. (2021) *Polity5 Project: Polity5 Annual Time-Series, 1946–2018*, Vienna: Center for Systemic Peace.
- Massoud T. G., Doces J. A., Magee C. S. P. (2019) Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation. *Polity*, vol. 51, no 3, pp. 429–465.
- Mitchell L. A. (2022) The "Color" Revolutions: Successes and Limitations of Non-violent Protest. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 435–445.
- Muller E. N., Weede E. (1990) Cross-national Variations in Political Violence: A Rational Action Approach. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 34, no 1, 624–651.
- Nodia G. (2000) The End of Revolution? *Journal of Democracy*, vol. 11, no 1, pp. 164–171.
- Parsa M. (2000) *States, Ideologies, and Social Revolutions*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Puddington A. (2015) *Discarding Democracy: Return to the Iron Fist. Freedom in the World 2015*, Washington: Freedom House.
- Rasler K., Thompson W. R., Bou Nassif H. (2022) The Extent of Military Involvement in Non-Violent, Civilian Revolts and Their Aftermath. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 739–779.
- Regan P. M., Bell S. (2009) Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why Are Anocracies More Prone to Civil Wars? *Political Research Quarterly*, vol. 63, no 4, pp. 747–759.
- Regan P. M., Norton D. (2005) Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 49, no 3, pp. 319–336.
- Ritter D. (2015) *The Iron Case of Liberalism: International Politics and Unarmed Revolutions in the Middle East and North Africa*, Oxford: Oxford University Press.
- Rozov N. (2019) *Filosofija i teorija istorii. Kn. 2: Prichiny, dinamika i smysl revolucij* [Philosophy and Theory of History, Book 2: Causes, Dynamics and Meaning of Revolutions], Moscow: Krasand/URSS.
- Rozov N., Pustovoyt Y., Filippov S., Tsygankov V. (2019) *Revolucionnye volny v ritmah global'noj modernizacii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization], Moscow: Krasand/URSS.
- Sanderson S. K. (2016) *Revolutions: A Worldwide Introduction to Social and Political Contention*, London: Routledge.
- Selbin E. (2001) Same as It Ever Was: The Future of Revolution at the End of the Century. *Revolution: International Dimensions* (ed. M. N. Katz), Washington: Congressional Quarterly Press, pp. 284–297.
- Selbin E. (2019) Resistance and Revolution in the Age of Authoritarian Revanchism: The Power of Revolutionary Imaginaries in the Austerity-Security State Era. *Millennium*, vol. 47, no 3, pp. 483–496.
- Selbin E. (2022) All Around the World: Revolutionary Potential in the Age of Authoritarian Revanchism. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer, pp. 415–433.
- Schulz E. (2016) *Teorija revolucii: revolucii i sovremennye civilizacii* [Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations], Moscow: Lenand/USSR.
- Shin C. S. (2018) The Deconsolidation of Liberal Democracy in Korea: Exploring its Cultural Roots. *Korea Observer*, vol. 49, no 1, pp. 107–136.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 51, no 1, pp. 26–50.
- Snyder R. (1998) Paths out of Sultanistic Regimes: Combining Structural and Voluntarist Perspectives. *Sultanistic Regimes* (eds. H. E. Chehabi, J. J. Linz), Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 49–81.
- Snyder R. (1999) The End of Revolution? *The Review of Politics*, vol. 61, no 1, pp. 5–28.
- Stephan M. J., Chenoweth E. (2008) Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security*, vol. 33, no 1, pp. 7–44.
- Stone B. (2014) *The Anatomy of Revolution Revisited: A Comparative Analysis of England, France, and Russia*, New York: Cambridge University Press.
- Stradiotto G. A., Guo S. (2010) Transitional Modes of Democratization and Democratic Outcomes. *International Journal on World Peace*, vol. 27, no 4, pp. 5–40.
- Tilly C. (1978) *From Mobilization to Revolution*, NY: McGraw-Hill.
- Tilly C. (2019) *Ot mobilizacii k revolucii* [From Mobilization to Revolution], Moscow: HSE.
- Treisman D. (2020) Democracy by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government. *American Political Science Review*, vol. 114, no 3, pp. 792–810.
- Urdal H. (2006) A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. *International Studies Quarterly*, vol. 50, no 3, pp. 607–629.

- Vaskin I., Tsirel S., Korotaev A. (2018) Jekonomicheskij rost, obrazovanie i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Economic Growth, Education and Terrorism: Quantitative Analysis]. *Journal of Sociology*, vol. 24, no 2, pp. 28–65.
- Vogiatzoglou M. (2017) *Turbulent Flow: Anti-austerity Mobilization in Greece. Late Neoliberalism and its Discontents in the Economic Crisis*, Cham: Palgrave Macmillan, pp. 99–129.
- Zhdanov A. (2020) Ugrozy dekonsolidacii liberal'noj demokratii: opredelenie magistral'nogo puti jerozii demokraticheskogo rezhima na primere Soedinennyh Shtatov Ameriki [Threats of Deconsolidation of Liberal Democracy: Defining the Main Path of Erosion of the Democratic Regime by the Example of the United States of America]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov: ezhegodnik*, vol. 11, pp. 17–32.